

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации»

На правах рукописи

**Теоретико-методологический подход к оценке влияния
внешнеэкономической деятельности на развитие российской экономики**

Специальность: 5.2.3 Региональная и отраслевая экономика

Диссертация в виде научного доклада
на соискание ученой степени
доктора экономических наук

Кнобель Александр Юрьевич

Москва, 2025 год

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ	40
1. Влияние либерализации сектора услуг на торговлю услугами и производительность в промышленности России и других стран СНГ	40
2. Открытость российской экономики и участие ЕАЭС в региональной интеграции как факторы экономического роста	42
3. Бюджетная политика как источник экономического роста	43
4. Влияние нетарифных барьеров на торговлю внутри Евразийского экономического союза	45
5. Глубокая интеграция в Евразийском экономическом союзе: что выгоднее — успешная имплементация или более широкая либерализация?	47
6. Международные экономические санкции: теория и практика их применения	49
7. Закономерности формирования российскими фирмами цен на экспортных рынках.....	51
8. Оценка масштабов импортозамещения в России в 2014–2016 годах	53
9. Тенденции развития мировой торговли последних десятилетий и современные вызовы для её развития.....	56
10. Последствия реализации налогового маневра: добыча нефти и производство нефтепродуктов	58
11. Оценка эффективности региональной системы поддержки экспорта.....	60
12. Влияние пандемии коронавируса на глобальные интеграционные процессы.....	61
13. Эволюция российской торговли в 2016–2019 гг.	63
14. Реакция российской торговли на пандемию в 2020–2021 гг.	69
15. Реакция российской торговли на санкционный шок в 2022–2023 гг.	71
16. Платёжный баланс.....	73
17. Россия как донор международной помощи: эволюция подходов и приоритетов.....	78
18. ПИИ в России: чувствительность к ожиданиям санкционного давления	83
19. Торговые войны и их влияние на торговлю и экономическое развитие	85
СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ	89
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	94

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы. Современная российская экономика характеризуется высокой степенью вовлечённости в глобальные экономические процессы, которые в последние десятилетия сочетают в себе как усиление интеграционных трендов, так и рост протекционизма. Это создает противоречивые условия для развития внешнеэкономической деятельности и требует переосмысления стратегий внешнеторговой политики, а также отдельных элементов интеграционной и бюджетной политики. В этом контексте особую значимость приобретает вопрос о том, какие формы международного экономического взаимодействия наиболее благоприятны для поддержания устойчивого развития внешнеэкономической деятельности России в условиях внешних ограничений.

Для России, чья экономика в значительной мере ориентирована на экспорт, особенно важным становится понимание того, как различные формы либерализации — в частности снижение нетарифных барьеров и улучшение условий доступа к иностранным рынкам — могут повлиять на внутренние экономические процессы. Это включает не только традиционную торговлю товарами, но и расширение экспорта услуг, участие в международных цепочках добавленной стоимости и привлечение прямых иностранных инвестиций. Внешнеэкономические связи с партнёрами по Евразийскому экономическому союзу в этом контексте выступают как один из факторов, формирующих рамочные условия внешней среды для российских производителей и экспортеров.

С начала XXI века темпы роста мировой торговли постепенно замедляются. С 2008 года доля международной торговли в мировом ВВП стабилизировалась на уровне около 30%, что отражает структурные ограничения прежней модели глобализации. Для России это означает, что ставка на экстенсивный экспорт сырья, прежде бывший драйвером роста, сталкивается с системными барьерами: волатильность цен на энергетические ресурсы, снижение доходов бюджета и ужесточение внешнеполитических ограничений, включая санкции и ухудшение

условий доступа к технологиям. В этой связи переориентация на более высокую степень участия в глобальных и региональных производственных цепочках становится необходимой предпосылкой для устойчивого развития. В сложившейся ситуации кризиса мировой торговой системы и санкционного давления особую роль в развитии внешней торговли занимает углубление кооперации с нейтральными странами, в том числе в рамках региональных объединений, включая ЕАЭС.

В то же время структурные внутренние ограничения — такие как низкая эффективность бюджетных расходов, слабая диверсификация производства, неустойчивость стимулов для частных инвестиций — ограничивают способность российской экономики воспользоваться потенциальными преимуществами внешней либерализации. Существующие институциональные рамки зачастую препятствуют эффективному перераспределению ресурсов, необходимому для адаптации к меняющимся условиям глобальной торговли. Это особенно остро проявляется в секторах, где Россия отстает в уровнях технологической и сервисной интеграции, прежде всего в сфере услуг.

В условиях растущей неопределенности и усиления конкуренции на внешних рынках необходимо чётко понимать, какие конкретные барьеры — тарифные, нетарифные, институциональные — ограничивают участие России во внешнеэкономической деятельности. Особое внимание при этом заслуживает анализ влияния региональных торговых соглашений, включая соглашения в рамках ЕАЭС, на торгово-экономическую активность российских компаний. Эти соглашения, с одной стороны, создают возможности для снижения издержек и повышения эффективности торговли, с другой — требуют глубокой согласованности регулирования и координации политик.

Отдельным направлением, имеющим высокий потенциал влияния на экономическую систему, является торговля услугами. Услуги играют ключевую роль в формировании добавленной стоимости в производстве, и их эффективная

интеграция в международные экономические процессы может стать источником повышения производительности и конкурентоспособности российской экономики. Однако в настоящее время Россия сохраняет сравнительно высокий уровень барьеров для иностранных поставщиков услуг, что сдерживает развитие сектора и ограничивает масштабы внешнеэкономического взаимодействия.

В этой связи либерализация торговли услугами, снижение административных барьеров и упрощение процедур доступа становятся не только вопросами исполнения международных обязательств, но и важнейшими элементами внутренней экономической повестки. Примеры стран Восточной Европы, где реформы в секторе услуг сопровождались ростом производительности в обрабатывающих отраслях, демонстрируют потенциал подобной политики. Для России это также открывает возможности повысить эффективность государственного регулирования, стимулировать конкуренцию и улучшить инвестиционный климат, особенно в условиях санкционного давления.

Таким образом, исследование факторов, определяющих внешнеэкономическую деятельность России, в том числе в рамках таких интеграционных форматов, как ЕАЭС, а также оценка потенциальных эффектов их изменения, становится важнейшим направлением прикладного экономического анализа. Понимание того, какие реформы в области внешней торговли и инвестиций действительно способны стимулировать экономическое развитие, необходимо для выработки экономической политики, сочетающей стратегические интересы России на международной арене с задачами внутреннего развития.

Степень разработанности темы диссертации. Существующая научная литература охватывает широкий круг аспектов, включая влияние либерализации торговли на производительность, экономическую эффективность бюджетной политики, влияние нетарифных барьеров на торговлю внутри ЕАЭС, сценарии участия в интеграционных альянсах, последствия санкций и торговых войн.

Международная торговля стала важным фактором формирования конкурентной

среды и технологического развития (Edwards, 1998; Frankel, Romer, 1999). Большинство прорывных примеров (Китай, Респ. Корея, Индонезия и др.) демонстрируют преимущества расширения торговли для усиления специализации и разделения труда, использования мирового спроса и экспорта для собственного роста, повышения производительности благодаря усилению конкуренции с импортом и отбору наиболее производительных компаний, а также за счет использования самых конкурентоспособных комплектующих и поставщиков (см.: Muendler, 2004; Bernard et al., 2007; Amiti, Konings, 2007). При этом, в последние десятилетия в международной торговле наблюдалась тенденция усиления роли развивающихся стран и наращивания соперничества между США и КНР (Дюмулен, 2016). В ряде стран, в том числе в России, на фоне действия экономических санкций, повысилось внимание к политике импортозамещения (Портанский, 2021). Современные исследования подчеркивают необходимость приоритизации отраслей, обладающих наибольшим потенциалом вклада в рост добавленной стоимости и обеспечивающих стратегическую независимость экономики, что особенно актуально для России в условиях санкционного давления (Баринова и др., 2025).

В академической среде преобладает мнение, что нетарифные торговые издержки — такие как временные задержки, регуляторные барьеры и ограничения на прямые иностранные инвестиции (ПИИ) — создают более серьезные препятствия для торговли, чем тарифы. В одних исследованиях (Hummels and Schaur, 2013; Kee et al., 2009) подчеркивается значительное влияние временных и регуляторных барьеров, а другие (Jafari and Tarr, 2015) обращают внимание на потери производительности из-за ограничений ПИИ в сфере услуг. Препятствием для увеличения ПИИ также могут служить более широкие институциональные ограничения — например, высокий уровень коррупции (Kuzmina et al. 2014). Последние работы также указывают на важность глубоких положений в преференциальных торговых соглашениях (ПТС): такие положения значительно снижают торговые издержки и способствуют созданию торговли

(Mattoo et al., 2017; Arvis et al., 2016). Однако традиционные модели общего равновесия, ориентированные только на снижение тарифов, как правило, недооценивают выигрыш в благосостоянии, получаемый в результате заключения преференциальных торговых соглашений (Limão, 2016), что отражается в ограниченном эффекте, выявленном в отдельных исследованиях (Caliendo et al., 2017; Caliendo and Parro, 2015). В современных условиях кризиса многосторонней торговой системы всё большее значение приобретают переговоры по ССТ и проблема выделения так называемых «чувствительных» товаров, определяющих масштаб предоставляемых преференций (Исаченко, Медведкова, 2025). Это подчеркивает необходимость комплексного моделирования эффектов глубокой интеграции при оценке последствий торговой политики.

Интеграционные процессы на постсоветском пространстве представляют особый интерес для исследователей. В период 1999–2008 гг. в регионе наблюдалось снижение взаимной торговли на фоне роста взаимозависимости рынков труда (Libman and Vinokurov, 2012), что указывает на сложность и многомерность экономических связей между странами. Взаимосвязь процессов либерализации, интеграции и экономических выгод была подробно рассмотрена в ряде работ российских исследователей (Афонцев, 2012; Глазьев, Ткачук, 2023; Крючков, Исаченко, 2010; Хусаинов и др., 2018). При этом формирование интеграционной повестки, как подчёркивается в ряде исследований, должно базироваться на чётком понимании интересов российских компаний (Кадочников, 2015). Например, особый интерес вызывает развитие российского агропродовольственного экспорта, где наблюдается быстрый рост поставок зерновых, рыбы, жиров и нишевых продуктов на рынки Азии и Ближнего Востока (Бартенев и др., 2024). Однако в российской торговой политике по-прежнему недостаточно внимания уделяется включению в глобальные и региональные цепочки добавленной стоимости и развитию промышленной кооперации (Симачев и др., 2019). Это особенно важно в условиях, когда

российские экспортеры сталкиваются с коллективным протекционизмом, проявляющимся в виде преференциальных режимов для стран, заключивших с основными импортёрами российской продукции региональные торговые соглашения (Оболенский, 2019). В этом контексте активизация процессов евразийской интеграции может способствовать усилению взаимного модернизационного воздействия экономик региона (Вардомский и др., 2017). Кроме того, в условиях растущей конкуренции на мировых рынках актуализируется задача усиления государственной поддержки российских экспортеров, что подробно анализируется в современных исследованиях (Орлова и др., 2024).

В последние три десятилетия появляется всё больше работ, фокусирующих внимание на поведении компаний с учетом их разнородности по производительности. Выявление детерминантов цен экспорта является одним из важных направлений исследований в этой области, поскольку позволяет указать на закономерности отбора компаний на внешние рынки и описать реакцию фирм на изменения внешних условий. О важности направления свидетельствует как большое число работ, посвященных разработке теоретических моделей в этой области (Melitz, Ottaviano, 2008; Baldwin, Harrigan, 2011; Kneller, Yu, 2016; Bastos, Silva, Verhoogen, 2018), так и эмпирических исследований (Manova, Zhang, 2012; Bastos, Silva, 2010; Baldwin, Harrigan, 2011; Kneller, Yu, 2016; Bastos, Silva, Verhoogen, 2018). Среди последних можно встретить работы на данных различных стран, как развитых, так и развивающихся, однако поведение российских фирм в международной торговле остается малоизученным.

Научная дискуссия об экономически целесообразных для соответствующих уровня развития страны и масштаба её внешнеэкономической деятельности объемах и относительно оптимальной структуре государственных расходов как в целом, так и по отдельным функциональным разделам и статьям имеет давнюю историю (см.: Lucas, 1988; Barro, 1991; Barro, Lee, 1993; Tanzi, Zee, 1997; Iradian, 2007; World Bank, 2006; 2007; Moreno-Dodson, 2013), но консенсус в этих

вопросах так и не достигнут. Имеющиеся эмпирические исследования (см.: Lucas, 1988; Aschauer, 1989; Barro, 1996; Barro, Sala-i-Martin, 1995; Feldstein, 1996; Alesina et al., 1999; Devarajan et al., 1997) достоверно указывают лишь на наличие некоторого уровня госрасходов (в долях ВВП), до достижения которого их наращивание способствует экономическому росту, а при его превышении негативно влияет на экономическое развитие. При этом бюджетный маневр и реформа бюджетных институтов отмечаются среди ключевых мер современной экономической политики, способных укрепить долгосрочную компоненту роста российской экономики (Идрисов и Синельников-Мурылев, 2014).

Что касается литературы по экономическим санкциям и торговым войнам, то почти столетняя история теории экономических санкций стремится объяснить их цели, эффективность и последствия, но научного консенсуса по ключевым вопросам до сих пор нет (Baldwin, 1999). Одной из главных проблем остается трактовка целей санкций, поскольку декларируемые намерения государств могут не совпадать с реальными, а их достижение часто используется как критерий успешности санкций. Введение санкций может говорить скорее о слабой мотивации действовать, чем о стремлении достичь результата (Hoffmann, 1967). Кроме того, трудно отделить влияние санкций от других факторов, что затрудняет объективную оценку их эффективности. Разные подходы к оценке приводят к расхождениям: например, одни исследователи (Hufbauer et al., 1990) считают значительное число санкций успешными, в то время как другие (Pare, 1997) утверждают, что в ряде случаев цели были достигнуты за счёт применения силы, а не санкционного давления. Бизнес может адаптироваться к применению санкций и научиться их обходить (Пахомов, 2014). Последствия прямых торговых ограничений определяются зависимостью страны от внешней торговли, степенью покрытия и числом поддерживающих санкционный режим стран (Bergejk, 2021). С точки зрения российской экономики, действие экономических санкций повышает актуальность проработки новых стратегических форматов сотрудничества с Китаем (Спартак, 2023). На более

широком уровне на внешнеэкономическую политику России оказывает влияние трансформация глобальных экономических дисбалансов, связанных с изменениями в международной инвестиционной позиции, переоценкой активов и долгосрочной многополярной перестройкой валютной системы (Божечкова, Колесник, Трунин, 2025).

Тем не менее, несмотря на значительное число и глубину существующих исследований, по-прежнему ощущается недостаток комплексных подходов, объединяющих макроэкономический, институциональный и отраслевой уровни анализа для оценки вызовов и возможностей, стоящих перед российской экономикой в условиях трансформации глобальной торговой архитектуры. Особую актуальность приобретает исследование таких факторов, как изменения в международных цепочках добавленной стоимости, протекционистские меры и ограничительный внешнеэкономический режим, оказывающие существенное влияние на траекторию экономического роста и устойчивость российской экономической модели. В этой связи интеграционное сотрудничество в рамках ЕАЭС рассматривается как один из значимых элементов внешней среды, способный как создавать дополнительные возможности, так и порождать институциональные и структурные вызовы для российской экономики.

В качестве научной гипотезы исследования определено, что на экономическое развитие России оказывает растущее влияние широкий комплекс внешних экономических и неэкономических факторов, причем это влияние зачастую носит противоречивый характер и проявляется в виде внешних шоков, требующих разработки и адаптации аналитического и экономико-математического инструментария для оперативной и надежной оценки эффектов таких шоков на национальную экономику и внешнюю торговлю. Это необходимо для поддержки принятия государственными органами решений по эффективному реагированию на внешние вызовы и возникающие новые возможности для устойчивого социально-экономического развития страны.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей работы является разработка теоретико-методологического подхода к оценке влияния внешнеэкономической деятельности на развитие российской экономики и прикладных рекомендаций по трансформации внешнеэкономической деятельности России — включая торговую, интеграционную и бюджетную политику — с обоснованием их влияния на развитие российской экономики, в том числе на её макроэкономическую динамику, отраслевую структуру и адаптационные возможности в условиях внешних шоков. Особое внимание уделяется потенциалу и ограничениям экономического сотрудничества в рамках ЕАЭС как одного из ключевых внешнеэкономических направлений, способствующих устойчивому развитию страны.

В соответствии с поставленной целью в исследовании решаются следующие задачи:

- развить и обосновать понимание влияния либерализации внешней торговли, в том числе в секторе услуг, на производительность, структуру и конкурентоспособность российской экономики;
- разработать подходы к оценке и предложить пути совершенствования интеграционного взаимодействия в рамках ЕАЭС и между ЕАЭС и третьими странами на российскую экономику с точки зрения торговли, секторальных и институциональных эффектов;
- разработать теоретико-методологическую базу и обосновать механизмы учёта воздействия внешних шоков — пандемии COVID-19, международных санкций и торговых войн на российскую экономику, внешнюю торговлю и платёжный баланс, включая возможности адаптации к этим шокам, переориентации торговых потоков и перераспределения ресурсов;
- обосновать и предложить механизмы совершенствования внутренней налогово-бюджетной политики на экономический рост и внешнеэкономическое поведение, включая воздействие на импорт и чистый экспорт как компоненты ВВП;

- разработать и предложить меры по развитию современных процессов в сфере поддержки экспорта, в том числе на региональном уровне, и содействия международному развитию, включая продукцию, попавшую под санкционные ограничения;
- разработать рекомендации по совершенствованию стратегий ценообразования российских компаний на экспортных рынках в условиях усиливающейся конкуренции и торговых ограничений;
- обосновать подходы к оценке и разработать предложения по повышению эффективности импортозамещения на потребительском рынке продовольствия в России, идентифицировать различия в степени чувствительности к изменению доходов и цен в разрезе различных товарных категорий.

Объектом исследования выступает российская экономика в условиях трансформации внешнеэкономической деятельности. **Предметом исследования** являются экономические процессы и механизмы, определяющие влияние внешнеэкономической деятельности на развитие российской экономики, включая торговую либерализацию, интеграцию, санкционное давление, бюджетную политику и поведение экспортёров. В рамках исследования рассматриваются взаимосвязанные аспекты включения России в современную мирохозяйственную реальность: влияние процессов торговой либерализации и международной интеграции на устойчивость экономики, воздействие внешних шоков (пандемия COVID-19, санкционное давление) на структуру и динамику внешней торговли, роль государственной политики (в частности, налогового манёвра) в формировании условий внешнеэкономической деятельности, а также особенности экспортных стратегий и экономического поведения российских компаний. Совокупное и системное взаимодействие этих факторов оказывает многоплановое влияние на развитие российской экономики, определяя её адаптационные возможности и траектории интеграции в мировое хозяйство.

Методология и методы исследования

Эмпирическая часть исследования основана на применении гравитационных моделей международной торговли, оцениваемых эконометрически на панельных данных; моделей общего равновесия, решаемых методом математического моделирования (CGE); систем макроэкономических уравнений, специфицированных в форме VAR- и SVAR-моделей; роттердамской модели спроса, оцениваемой в виде системы уравнений; и других экономических моделей, задающих структурные уравнения, оцениваемые регрессионными методами для панельных и кросс-секционных данных.

Гравитационные модели являются одним из ключевых инструментов для оценки влияния либерализации торговли на объемы экспорта и импорта не только товаров, но и услуг. Из-за более позднего появления систематических данных оценка гравитационных моделей торговли услугами начала развиваться сравнительно недавно. Впервые в работе (Sapir, Lutz, 1980) были использованы агрегированные данные по торговле, которые включали в себя, помимо торговли товарами, еще и суммарную торговлю услугами. Среди ранних работ по использованию гравитационного уравнения для оценки двусторонней торговли услугами можно отметить работу Francois (1993), в которой использовались данные для США. Другие исследования использовали, в основном, данные для развитых стран, хотя в последние 15–20 лет в связи с появлением новых данных начали производиться оценки для более широкого набора стран (Kimura, Lee, 2006; Mirza, Nicoletti, 2004; Francois et al., 2007; Francois, Wignarajan, 2008).

Модели общего равновесия (CGE) широко применяются для прогнозирования макро- и межотраслевых эффектов от изменения мер торговой политики, например, участия в международных соглашениях (Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнёрство, Всестороннее региональное экономическое партнёрство), или, наоборот, торговой войны США и Китая. Данный класс моделей в структурном виде описывает общее равновесие на всех

рынках, что позволяет анализировать влияние различных внешнеэкономических изменений на национальную экономику, в том числе моделировать последствия торговой политики государства как для экономики в целом (ВВП, инвестиции, труд, экспорт, импорт), так в отраслевом разрезе. Это дает возможность анализировать последствия образования ЗСТ в терминах «выигрывающих и проигрывающих» отраслей и типов экономических агентов. В результате можно понять, в каких секторах необходимы отдельные договоренности. Предполагается, что импортные товары дифференцированы, разделяются по национальному происхождению и у стран есть элементы монопольной власти. Дифференциация товаров одной отрасли в зависимости от страны происхождения товара (в том числе отечественного) моделируется с помощью функции с постоянной эластичностью замещения (CES). При такой форме агрегации композитного потребительского товара отечественный и импортный товары не выступают полностью ни субститутами, ни комплементами: в любом равновесии будет одновременно потребляться и тот, и другой строго в положительном количестве. Подробнее о теории и практике применения CGE-моделей см. (Clausing, 2001; Trefler, 2004; Romalis, 2007; Chang, Winters, 2002; Egger, 2004; Magee, 2008; Carrere, 2006; Harris, 2006).

Системы эконометрических уравнений, специфицированные в форме VAR- и SVAR-моделей, широко применяются, например, для количественной оценки воздействия фискальной и монетарной политики на экономическую активность. В методологии VAR (Sims, 1980) ключевым является разделение предвидимых изменений, производящих нейтральное воздействие, и неожиданных шоков, способных изменять реальные показатели. Обычно частично детерминированным в VAR-моделях является процесс изменения госрасходов, т.е. экономические агенты, зная, как устроен процесс расходования государственных средств, могут предвидеть его детерминированную часть, но не могут предсказать случайную, которая называется шоком. Поэтому, идентифицируя шоки и определяя, как ВВП реагирует на них, можно решить

проблему ожиданий агентов. Для решения проблемы эндогенности (взаимного влияния госрасходов и ВВП) в методе вводятся ограничения на зависимости между переменными, исходя из априорных предположений исследователя. В SVAR-моделях такие ограничения позволяют идентифицировать причинно-следственные воздействия, например, выделить влияние неожиданного (структурного) шока в государственных расходах на динамику ВВП, задавая допустимые направления и временные горизонты этого влияния.

Роттердамская модель спроса, позволяет задать систему уравнений спроса на агрегированный отечественный и на импортный товары, которая оценивается регрессионным методом на панельных данных. Теоретический вывод роттердамской модели с описанием основных модификаций достаточно подробно представлен в работе (Clements, Gao, 2015). Анализ импортозамещения продовольственных товаров в России основан на результатах оценки уравнения роттердамской модели без наложения ограничений, но с последующей проверкой выполнения условий для получившихся коэффициентов аналогично подходу, использовавшемуся в работе (Marquez, 1994).

В рамках данного исследования рассматриваются и другие экономические модели для изучения поведения потребителей и ценовых механизмов на экспортных рынках, формализуемые в виде отдельных структурных уравнений, коэффициенты в которых оцениваются классическими линейными регрессионными методами для панельных и кросс-секционных данных.

В исследовании также представлен качественный и количественный анализ экономических санкций и торговых войн, институциональных ограничений и их политэкономических последствий.

Основными источниками данных являются базы данных Росстата, UN Comtrade, TradeMap, GTAP, WITS, ВТО, ЮНКТАД, ОЭСР, Евразийской экономической комиссии, а также детализированные данные таможенной статистики РФ.

Обоснованность и достоверность результатов исследования. Исследование опирается на обширный теоретический фундамент, включая классические и современные подходы к моделированию международной торговли. Результаты исследования основаны на эмпирических данных, полученных из достоверных статистических источников. Использование апробированных в ведущих рецензируемых журналах теорий и моделей, а также тестирование сформулированных гипотез и моделей на реальных данных, позволяют обеспечить высокую степень обоснованности выводов. Полученные результаты прошли обсуждение на научных конференциях и семинарах, что дополнительно подтверждает их научную значимость и практическую ценность.

Научная новизна

Научная новизна исследования заключается в комплексной оценке современных направлений и эффектов трансформации внешнеэкономических связей России для отечественной экономики. **По совокупности полученных результатов автором представлена многоуровневая методология, позволяющий системным образом отслеживать каналы и масштабы влияния внешнеэкономической деятельности и внешних шоков на процессы в российской экономике.** Анализ опирается на подход, учитывающий не только торговую и макроэкономическую статистику, но и институциональные, и фискальные аспекты, что позволяет получить более полную картину воздействия внешних факторов на национальную экономику.

Новый теоретико-методологический подход, а также количественные расчёты и качественные оценки заключаются в следующем.

1. Проблемный блок Либерализация торговли

- **Эмпирическим путем доказана значимость либерализации торговли услугами для повышения производительности труда в промышленности.** Представлены эмпирические данные,

подтверждающие важную роль либерализации сектора услуг — особенно в сферах транспорта, финансов, связи и бизнес-услуг — для повышения производительности труда в обрабатывающей промышленности. Исследование показывает, что снижение барьеров для иностранных поставщиков услуг способствует более быстрому повышению производительности труда в российской промышленности. Этот вывод особенно актуален в условиях, когда доля услуг в добавленной стоимости промышленной продукции находится на высоком уровне, а рекордно низкий уровень безработицы сдерживает потенциал роста экономики за счет увеличения занятости.

2. Проблемный блок **Международная интеграция**

- **Предложен комплексный подход к анализу макроэкономической политики России, предполагающий взаимосвязь внешнеторговой, бюджетной и интеграционной компонент, обеспечивающей синергетический эффект.** Одной из ключевых особенностей данного исследования является целостный подход к анализу этих направлений не изолированно, а как взаимосвязанных элементов единой системы. Такой подход позволяет выявить взаимные зависимости и определить механизмы согласованной адаптации экономики к внешним шокам. Особое внимание уделяется роли интеграционных механизмов ЕАЭС в сглаживании асимметрий и формировании условий для устойчивого развития российской экономики.
- **Разработан методологический подход к проведению всесторонней оценки потенциальных выгод от глубокой интеграции в рамках ЕАЭС и заключения торговых соглашений с третьими странами с учётом новых геополитических реалий.** Подход основан на сценарном анализе, многострановой модели общего равновесия с элементами несовершенной конкуренции и учетом эндогенной производительности, а также на

моделировании эффектов тарифных мер. Одновременно разработан подход к анализу трансформации политики России в сфере содействия международному развитию, заключающейся в переходе от формата многосторонней к формату преимущественно двусторонней помощи, позволяющему быстрее реализовывать проектный подход и продвигать национальные интересы, включая укрепление связей с ключевыми партнёрами.

3. Проблемный блок **Влияние внешних шоков на российскую экономику и торговлю**

- **Предложен комплексный подход к анализу трансформации внешнеэкономической политики России в 2016–2024 гг. под воздействием санкций, пандемии COVID-19 и изменений валютной политики.** Новизна исследования заключается в поэтапной реконструкции изменений во внешней торговле, включая структурные сдвиги в экспорте и импорте, рост роли стран ЕАЭС, Китая, Индии и Турции, а также в выявлении устойчивых закономерностей реакции внешнеторговых потоков на курсовые колебания и геополитические шоки. Разработан авторский подход к анализу воздействия пандемии на торгово-интеграционные процессы, который включает классификацию антикризисных мер с точки зрения норм ВТО и позволяет выявить нарастающую торгово-политическую фрагментацию. Впервые дана комплексная оценка влияния налогового манёвра на экспортную структуру нефтепродуктов и внутренние стимулы к глубокой переработке, а также показано, что отсутствие экспортных пошлин во взаимной торговле с ЕАЭС ведёт к скрытому субсидированию партнёров. Доказано влияние налогового маневра на перераспределение экспортных потоков, сокращение доли тёмных нефтепродуктов и рост экспорта более качественных, высокомаржинальных продуктов, а также на торговлю с ЕАЭС, которая, в отсутствие таможенных пошлин, означает

субсидирование партнёров России по данному интеграционному объединению. Кроме того, выполнен углублённый анализ изменений в платёжном балансе, в том числе роли первичных доходов и ограничений на движение капитала как компенсаторных механизмов в условиях ухудшения внешнеэкономической конъюнктуры.

- **Выявлена высокая чувствительность потоков ПИИ к информационному фону и геополитическим сигналам, идентифицирован новый (самостоятельный) фактор, влияющий на инвестиционные решения иностранных компаний, связанный с ожиданиями со стороны инвесторов в отношении усиления санкций.** Научная новизна заключается в выявлении опережающей реакции инвесторов: изменения в риторике и геополитической напряжённости оказывают более значимое влияние на ПИИ, чем фактическое введение новых ограничений. Это позволяет по-новому оценить уязвимость российской экономики в условиях глобальной неопределённости.
- **Дана комплексная оценка последствий торговых войн и санкционной политики на позиции ключевых игроков на мировом рынке (США и КНР) и их влияние на перераспределение глобальных торговых потоков, в том числе с учётом российской экономики.** Данное исследование вносит значительный вклад в анализ современных форм протекционизма и их последствий для глобальной и региональной торговли, с акцентом на российскую экономику. Особое внимание уделяется комплексной оценке прямых и косвенных эффектов торговых войн, включая изменение глобальных цепочек поставок, рост трансакционных издержек и трансформацию институтов международного регулирования торговли. Исследование показывает, что в условиях эскалации торговых конфликтов и санкционного давления Россия сталкивается с необходимостью адаптации внешнеэкономической стратегии: формируется новая инфраструктура обеспечения ВЭД,

усиливается акцент на технологическом суверенитете, меняется география торговых потоков. Кроме того, в работе демонстрируется, как торговые ограничения стимулируют развитие альтернативных механизмов взаимодействия — от региональных соглашений до двусторонних инструментов экономической дипломатии, особенно в рамках ЕАЭС и в кооперации с партнёрами в Азии. Эти процессы трактуются не только как вызовы, но и как потенциал для усиления стратегической автономии и переосмысления модели внешнеэкономической открытости России.

4. Проблемный блок **Аспекты государственной политики, влияющие на внешнеэкономическую деятельность**

- **Разработан методологический подход к оценке влияния структуры расходов бюджета расширенного правительства на экономический рост в условиях ухудшения внешнеэкономической конъюнктуры.** Благодаря оценке мультипликаторов на основе SVAR-моделей показано, что эффективность бюджетной политики напрямую связана с приоритетом производительных расходов: расходы именно этого типа оказывают более значимое влияние на экономический рост, чем непроизводительные. В условиях воздействия негативных внешнеэкономических шоков, с точки зрения влияния на рост оптимально снижать в первую очередь непроизводительные расходы, одновременно увеличивая либо, по меньшей мере, не снижая производительные. Такой подход демонстрирует, как вызванное внешнеполитическими реалиями изменение бюджетных приоритетов оказывает влияние на долгосрочные темпы экономического роста.
- **Предложен подход к комплексной оценке эффективности бюджетных мер регионального уровня по стимулированию экспорта.** На основе панельных данных по 83 регионам России за 2010–2016 годы оценено влияние мер по поддержке экспорта МСП и выявлены факторы, оказывающие значительное влияние на экспорт на национальном и

региональном уровнях. Впервые произведено сопоставление влияния регионального и федерального финансирования экспортных программ на экспорт с использованием российских данных, а также выделены территориальные, институциональные и ресурсные характеристики, усиливающие положительный эффект мер экспортной поддержки. Кроме того, выявлена ограниченность вклада региональных экспортных центров, что указывает на необходимость институционального перезапуска этих механизмов.

5. Проблемный блок Эмпирический анализ экспортных стратегий российских компаний и эффектов импортозамещения в потреблении отечественных и импортных товаров на внутреннем рынке

- **На основе анализа пространственной вариации цен российского экспорта с использованием данных высокой степени детализации выявлены закономерности и механизмы формирования цен российского экспорта в зависимости от характеристик страны-импортера, а также поведенческие закономерности, присущие российским экспортерам.** Исследование также предлагает анализ стратегий ценообразования российских экспортеров на основе рассмотрения систематической вариации параметров цен экспорта, которые теоретически описываются воздействием механизмов ценовой дискриминации и различий в качестве продукции. Анализ основан на микроданных (уровень транзакций) и опирается на современные модели теории гетерогенных фирм. Эмпирические оценки позволяют продемонстрировать преобладающую роль качества в систематическом отборе фирм на наименее доступные и наиболее конкурентные рынки. Таким образом, полученный в исследовании результат указывает на наличие важной размерности различий между российскими компаниями, что представляет собой новый шаг к более целостному пониманию разнородности российских фирм и более точной оценке роли этой

разнородности в формировании российской внешней торговли. Выявление таких закономерностей может быть чрезвычайно полезным для анализа тенденций агрегированных показателей и выработки оптимальной внешнеторговой и промышленной политики государства.

- **Предложен авторский подход к оценке функций спроса на импортные и отечественные продовольственные товары, а именно эластичности спроса по доходам потребителей, собственным ценам и ценам товаров-субститутов для 17 категорий товаров и выделены три группы эффектов: эффект дохода, эффект замещения из-за изменений собственной цены и эффект замещения из-за изменения цены импортного товара, влияющие на изменение потребления отечественных товаров.**

Положения, выносимые на защиту и имеющие научную новизну

1. Либерализация торговли

- Доказана значимость либерализации торговли услугами для повышения производительности труда в российской промышленности, а также увеличения объемов торговли услугами в первую очередь с дружественными странами, в т.ч. в рамках Евразийского экономического союза, формируя элементы единого рынка услуг как компенсирующий механизм в условиях санкционных ограничений со стороны западных стран. При этом, как показывают эмпирические оценки, в предшествующие периоды (2000–2009 гг.) импорт услуг в страны СНГ был значительно ниже потенциально возможного уровня, что указывает на наличие значительного резерва при снижении барьеров. Для России данный вывод актуален и сегодня, но в новых условиях требует акцента на расширение сотрудничества в рамках ЕАЭС. Согласно полученным результатам, наиболее открытая для импорта услуг страна — США. По отдельным направлениям торговли услугами лидерами открытости являются следующие экономики: США — транспортные, телекоммуникационные, компьютерные и

информационные, персональные культурные и развлекательные услуги, а также другие бизнес-услуги; Армения — путешествия; Кувейт — строительные услуги; ОАЭ — страховые услуги; Люксембург — финансовые услуги; Грузия — роялти и лицензионные платежи. Для России, согласно полученным оценкам, наиболее открытый сектор услуг — телекоммуникационный, а наименее открытые — компьютерные и информационные услуги. Именно по этим секторам можно ожидать наибольший рост импорта вследствие либерализации, и, как следствие, повышения конкуренции и привнесения наилучшей зарубежной практики на российский рынок. В то же время в СНГ наблюдается значительная дифференциация по уровню открытости: наиболее либерализованные сектора у России, Казахстана и Узбекистана, тогда как Беларусь, Молдова и Кыргызстан сохраняют высокий уровень ограничений. Это дополнительно подчеркивает актуальность задачи развития единого рынка услуг в рамках ЕАЭС. В исследовании также показано, что услуги активно используются российской промышленностью как фактор производства — около 30% в затратах. Межотраслевой эмпирический анализ показал, что либерализация сектора услуг оказывает положительное влияние на производительность в различных отраслях промышленности. Полученные оценки указывают, что полная либерализация внешнего оборота услугами могла бы повысить производительность труда в среднем на 20% (п. 2.3, п. 2.4, п. 2.6, п. 2.10 паспорта специальности 5.2.3).

2. Международная интеграция

- Разработан комплексный подход к анализу макроэкономической политики России, предполагающий взаимосвязь внешнеторговой, бюджетной и интеграционной компонент, обеспечивающей синергетический эффект. С учётом роли и места России в глобальной экономике, а также внешнеполитических ограничений и внутренних структурных проблем, сформулированы следующие приоритеты внешнеэкономического взаимодействия: расширение и диверсификация российского экспорта;

продвижение повестки соглашений о свободной торговле и защите инвестиций с дружественными странами; адаптация промышленной политики — при ориентации на экспорт и стратегию внутренней либерализации (СВЛ), предполагающую снижение барьеров для импорта критически важных компонентов. Среди других приоритетов — упрощение административных процедур экспортно-импортных операций, совершенствование налогового администрирования и институциональное развитие валютного регулирования, ориентированное на снижение трансакционных издержек для участников внешнеэкономической деятельности). Встраивание ЕАЭС в интеграционные процессы в АТР может обеспечить положительный макроэкономический эффект, особенно при участии Китая, несмотря на наличие отраслевых рисков. Такое взаимодействие способно стимулировать рост ВВП и развитие отдельных секторов, тогда как ограниченное участие оставляет лишь минимальные возможности для расширения торговли (п. 2.9, п. 2.10 паспорта специальности 5.2.3).

- Проведен количественный анализ влияния устранения нетарифных барьеров (НТБ) и других мер углубления интеграции в рамках ЕАЭС на торговлю, приток прямых иностранных инвестиций и благосостояние стран-участниц. Результаты исследования показывают, что устранение внутренних нетарифных барьеров (НТБ) в рамках ЕАЭС значительно увеличило бы объемы взаимной торговли, особенно между Беларусью, Казахстаном и Россией: полное устранение НТБ могло бы повысить внутренний товарооборот на 24–25%, а сокращение существующих НТБ в два раза — на 11%. Наибольший потенциал роста отмечен в сельском хозяйстве и пищевой промышленности, а также в торговле машинами и оборудованием. В относительном выражении наибольшую выгоду от снижения НТБ получили бы страны с меньшими экономиками и высокой долей внутренней торговли, такие как Беларусь, Кыргызстан и Армения. (п. 2.10 паспорта специальности 5.2.3).

- Разработан методический подход к проведению всесторонней оценки потенциальных выгод от глубокой интеграции в рамках ЕАЭС и заключения торговых соглашений с третьими странами с учётом новых геополитических реалий. Исследование показывает, что эффективная реализация целей ЕАЭС по углублению интеграции может привести к значительному росту благосостояния стран-участниц: от 0,8% для России до 4,8% для Беларуси, а в случае расширения либерализации и косвенных эффектов — до 7,2%. Наибольшие выгоды связаны с привлечением ПИИ, сокращением временных и нетарифных издержек, особенно в таких странах, как Беларусь, Казахстан и Армения. Для России и Казахстана ключевыми являются реформы, стимулирующие ПИИ, тогда как для Армении — доступ к российскому рынку труда. Использование модели Кругмана демонстрирует преимущество «открытого» регионализма, при котором расширение реформ на третьи страны усиливает позитивный эффект. Эти выводы дополняются анализом трансформации российской политики содействия международному развитию, которая с 2010-х годов стала инструментом геоэкономической стратегии: через списание долгов, гуманитарные инициативы и поддержку институтов ЕАЭС Россия укрепляет экспортные связи, институциональную конвергенцию и снижает геополитическую неопределённость, включая взаимодействие с СНГ и странами глобального Юга (п. 2.10, п. 8.1, п. 8.5, п. 8.17 паспорта специальности 5.2.3).

3. Влияние внешних шоков на российскую экономику и торговлю

- Проведен комплексный анализ экономических последствий санкционной политики и стратегий противодействия санкциям. Установлено, что санкционная политика приводит к краткосрочным и долгосрочным издержкам, однако её негативное воздействие может быть смягчено за счёт активной политики инвестиционной привлекательности и диверсификации внешнеэкономических связей. При этом санкции приводят к росту неопределенности во внешнеэкономической сфере, следствием чего является переориентация национальных экономик на внутренние рынки и, как результат, снижение

потенциала для развития. Негативное влияние на российскую экономику санкций, введенных по итогам событий 2014 г., составляет порядка 1 п.п. ВВП в год. Международный опыт стран, сталкивавшихся с ограничительными мерами, показывает, что наибольшую эффективность демонстрируют стратегии, основанные не на симметричном закрытии рынков, а на поддержании внешнеэкономической активности и избирательной либерализации в отношениях с партнерами, не участвующими в санкционном давлении. Для снижения рисков иностранных инвесторов целесообразно создавать благоприятные условия ведения бизнеса, особенно в несанкционных секторах, повышать прозрачность структуры собственности. В среднесрочной перспективе представляется целесообразным выявлять наиболее уязвимые и наиболее устойчивые к санкциям отрасли, и компании с целью выстраивания адресной политики поддержки: для одних — создание дополнительных возможностей и стимулов на внутреннем рынке, для других — формирование механизмов адаптации и смягчения последствий санкционного давления (п. 2.10, п. 2.15 паспорта специальности 5.2.3).

- Доказано, что поведение иностранных инвесторов в отношении России формируется не только на основе текущей санкционной политики, но прежде всего под воздействием ожиданий её возможного ужесточения (чувствительность к информационному фону и геополитическим сигналам). Установлена высокая чувствительность потоков ПИИ к информационному фону и геополитическим сигналам. Подтверждено, что даже единичные положительные сделки не компенсируют структурный отток инвестиций, особенно в регионы вне крупнейших агломераций. Выявлена ограниченность мер стимулирования притока ПИИ со стороны государства в условиях сохраняющейся неопределённости, что требует переосмысления стратегий привлечения инвестиций (п. 2.6, п. 2.10 паспорта специальности 5.2.3).

- Дана комплексная оценка последствий глобальных торговых конфликтов, в частности торговой войны между США и Китаем, на позиции ключевых

игроков на мировом рынке (США и КНР) и их влияние на перераспределение глобальных торговых потоков, в том числе с учетом российской экономики. На основе моделирования тарифных мер показано, что основные участники конфликта несут убытки из-за разрушения цепочек добавленной стоимости и технологического размежевания. Автор диссертации показывает, что ключевые участники конфликта понесли экономические потери (совокупно, порядка 150–200 млрд. долл. США), вызванные разрушением устойчивых цепочек добавленной стоимости и отраслевой кооперации. Более глубокими по последствиям признаются процессы технологического размежевания, ведущие к формированию независимых полюсов развития — американского и китайского. Для российской экономики это означает появление новых возможностей и одновременно усиление конкуренции, особенно в экспортоориентированных секторах. Показано, что перераспределение глобальных торговых потоков и ужесточение политики экспортного контроля со стороны США и Китая могут открыть нишевые рынки для российских производителей, в том числе в металлургии и машиностроении. В то же время, изменение структуры глобального регулирования торговли требует пересмотра стратегий участия России в многосторонних и региональных институтах, а также гибкого реагирования на сдвиги в мировой экономике (п. 2.6, п. 2.10 паспорта специальности 5.2.3).

- Проведена систематическая и поэтапная реконструкция изменений во внешнеторговой деятельности России за 2016–2024 годы с учётом глобальных и региональных шоков, включая санкции, пандемию COVID-19 и трансформацию валютной политики. Отмечается перераспределение торговых потоков: доля ЕС снизилась, усилилась ориентация на Китай, Индию и Турцию, а также вырос импорт из нейтральных стран. Несмотря на сохраняющееся влияние курса рубля на импорт, его чувствительность снижается за счёт политики локализации и изменения институциональной среды. Структура экспорта остаётся сырьевой, а рост несырьевого экспорта носит ценовой характер. Налоговый манёвр 2015–

2016 гг. изменил экспорт нефтепродуктов, способствуя росту доли светлых фракций, тогда как экспортные пошлины доказали свою эффективность как инструмент отраслевой трансформации. В то же время различия в валютной политике ЕАЭС усложняют координацию внутри объединения и создают асимметричные стимулы. Пандемия COVID-19 выступила как фактор, одновременно ограничивший и стимулировавший торговлю: наряду с временными барьерами были приняты меры либерализации, соответствующие нормам ВТО, что позволило автору обосновать необходимость пересмотра интеграционных соглашений с учётом устойчивости к глобальным шокам. Существенные изменения коснулись и платёжного баланса: профицит внешней торговли в отдельные годы компенсировал дефицит по другим статьям, а после 2022 года ключевую роль в поддержании текущего счета сыграли ограничения на движение капитала и управление валютными потоками (п. 2.6, п. 2.9, п. 2.10, п. 2.13, п. 2.14, п. 4.8 паспорта специальности 5.2.3).

4. Аспекты государственной политики, влияющие на внешнеэкономическую деятельность

- Проведен анализ влияния структуры бюджетной политики на экономический рост России с акцентом на различие эффектов от производительных и непроизводительных расходов. Показано, что эффективность бюджетной политики в РФ напрямую связана с приоритетом производительных расходов: бюджетный маневр в пользу таковых способен повысить темпы роста ВВП. Оценки влияния функциональных направлений расходов бюджета расширенного правительства на темпы роста ВВП, полученные путём расчёта мультипликаторов на основе SVAR-моделей, показывают, что производительные расходы оказывают более значимое влияние на экономический рост, чем непроизводительные. Это позволяет оценить, как может повлиять «бюджетный маневр» на структурные темпы роста, а также как повлияло изменение структуры бюджетных расходов в 2011–2017 г. на экономический рост. В условиях ухудшения внешнеэкономической

конъюнктуры снижение расходов бюджета может иметь стабилизирующий эффект, однако с точки зрения влияния на рост оптимально снижать в первую очередь непроизводительные расходы, одновременно увеличивая либо, по меньшей мере, не снижая производительные. Так, оптимизация «несиловых» статей может сместить структуру расходов бюджета в сторону непроизводительных, что не будет способствовать увеличению темпов долгосрочного экономического роста (п. 2.10 паспорта специальности 5.2.3).

- Получено эмпирическое подтверждение значимого положительного влияния регионального бюджетного финансирования экспортных программ на объемы экспорта, в отличие от менее значимого эффекта федеральных трансфертов. Установлено, что эффективность таких мер усиливается при наличии у региона природных ресурсов, доступа к портам и благоприятного инвестиционного климата. Также показано, что деятельность региональных экспортных центров не оказывает статистически значимого влияния на показатели экспорта, что требует их институционального переосмысления (п. 1.3, п. 1.15 паспорта специальности 5.2.3).

5. Эмпирический анализ экспортных стратегий российских компаний и эффектов импортозамещения в потреблении отечественных и импортных товаров на внутреннем рынке

- На основе анализа пространственной вариации цен российского экспорта с использованием данных максимально возможной детализации выявлены закономерности и механизмы формирования цен российского экспорта в зависимости от характеристик страны-импортера, а также поведенческие закономерности, присущие российским экспортерам. Проведенные на данных по российскому экспорту расчеты указывают на наличие таких механизмов, как отбор по качеству и ценовая дискриминация, причём цены российского экспорта в значительной степени отражают систематический отбор именно по качеству продукции, а не ценовую дискриминацию рынков сбыта. Эти выводы согласуются

с моделями новейшей теории международной торговли и соответствуют исследованиям систематических различий цен экспорта ряда развитых и развивающихся стран. Поскольку влияние отбора фирм по качеству оказывается выраженным в существенно большей степени по сравнению с влиянием ценовой дискриминации, при выборе теоретических моделей для анализа последствий различных экзогенных изменений торговой и/или промышленной политики следует отдавать предпочтение моделям, учитывающим разнородность товаров по качеству. Расчеты, приведенные в исследовании, позволяют указать группы фирм, которые в большей или меньшей степени заинтересованы в конкретном экспортном направлении. Так, на основе результатов расчетов, можно утверждать, что снижение издержек торговли между Россией и наиболее удаленными странами улучшит доступ на эти рынки в первую очередь фирмам, производящим наиболее качественную продукцию, в то же время реакция прочих фирм на изменения в доступе на такие рынки может быть слабой или отсутствовать. Напротив, развитие торговых отношений с менее развитыми и менее удаленными странами, а также со странами с меньшим размером рынка также важно с той точки зрения, что российские фирмы наиболее вероятно начнут экспортную деятельность именно в этих странах. Выход на любой экспортный рынок повышает вероятность дальнейшего расширения экспорта, поэтому снижение торговых барьеров с такого рода странами в долгосрочной перспективе будет иметь значительный положительный эффект на экспорт. Описанный механизм также показывает важность доступа российских экспортеров к импортным комплектующим повышенного качества, поскольку поставки произведенной с помощью этих комплектующих более качественной продукции могут осуществляться в том числе и на малодоступные рынки. Таким образом, ограниченное снижение барьеров для импорта критически важных промежуточных товаров и компонентов, с учётом действующих санкций и ограничений, может выступать стимулом для развития российского несырьевого экспорта, повышая качество производимых товаров и способствуя расширению географии экспортных поставок в доступные и стабильные внешние рынки, при

этом не создавая рисков нарушения санкционных режимов (п. 2.1, п. 2.5, п. 2.6, п. 2.8, п. 2.9 паспорта специальности 5.2.3).

- Разработан авторский подход к оценке функций спроса на импортные и отечественные продовольственные товары, а именно эластичностей спроса по доходам потребителей, собственным ценам и ценам товаров-субститутов для 17 категорий товаров и выделены три группы эффектов: эффект дохода, эффект замещения из-за изменений собственной цены и эффект замещения из-за изменения цены импортного товара, влияющие на изменение потребления отечественных товаров. Результаты показали, что потребители различают отечественные и импортные товары с различной степенью замещения между ними в разных товарных группах. Импортные товары, как правило, обладают более высокой эластичностью по доходу и цене, что указывает на их восприятие как более «деликатесных». Основным фактором сокращения импорта и роста потребления отечественных товаров в 2014–2016 гг. стало повышение цен на импорт, особенно в группах «мясо» и «овощи и фрукты», для которых изменение цены импорта практически полностью объясняет снижение потребления импорта (на 53 и 28% соответственно) и рост потребления отечественных товаров (на 34 и 55%) в рамках переключения на более дешевые аналоги. Для ряда групп большее влияние на структуру потребления оказало снижение доходов в указанный период. Так для алкогольных напитков оно объясняет снижение потребления отечественных товаров на 14% (из 16%), а импортных — на 34% (из 29%; другие эффекты частично компенсировали эффект дохода). Третий по важности фактор — эффект замещения из-за изменения цены отечественных товаров. Этот эффект оказал определяющее и статистически значимое влияние только на снижение потребления отечественной рыбы (на 12%). Модель адекватно воспроизводит фактические изменения спроса, за исключением некоторых групп, сильно затронутых эмбарго, что позволяет использовать полученные оценки для анализа структуры потребления за рамками рассмотренного периода (п. 2.10, п. 3.5, п. 3.6, п. 13.10 паспорта специальности 5.2.3).

Теоретическая и практическая значимость исследования

Настоящее исследование углубляет понимание сущности и особенностей взаимосвязей между внешнеэкономической политикой России, бюджетной составляющей внутренней экономической политики и региональной интеграцией в условия новых геоэкономических реалий. Оно вносит вклад в развитие нового трактования влияния внешних шоков и санкционных ограничений на адаптацию российской экономики, включая оценку мультипликативных эффектов государственных расходов и комплексное моделирование эффектов глубокой интеграции в рамках ЕАЭС и торговых соглашений с третьими странами. Отдельное внимание уделяется разработке многоуровневого теоретико-методологического подхода, позволяющего одновременно оценивать прямые и косвенные последствия внешнеторговой и бюджетной политики, а также интеграционных процессов на экономику России, что повышает практическую значимость работы и актуальность сделанных выводов в условиях нарастающей глобальной неопределенности.

С теоретической точки зрения значимость работы заключается в формулировании авторского подхода к анализу механизмов адаптации российской экономики к внешним шокам и трансформации внешнеэкономической политики в условиях санкций, пандемии и ограничений на международное сотрудничество, включая выявление институциональных и структурных детерминант конкурентоспособности российских экспортных отраслей.

Применение широкого спектра теоретических моделей различных типов, включая методы комплексного эконометрического моделирования, сравнительный и сценарный анализ, позволяет не только выявить прямые и косвенные эффекты внешних шоков, но и предлагать рекомендации по адаптации и стратегической трансформации экономической политики. Таким образом, исследование вносит вклад в понимание специфики и механизмов

реагирования российской экономики на современные геэкономические вызовы и формирование эффективных политических и институциональных мер, повышающих устойчивость экономики.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке и уточнении следующих направлений экономической политики России:

- **Формирование национальной стратегии участия России во внешнеэкономических связях и интеграционных форматах.** Результаты исследования позволяют выработать более сбалансированную стратегию внешнеэкономического взаимодействия России, учитывающую как вызовы глобальной торговой системы, так и перспективы сотрудничества с ключевыми партнёрами — в частности, в рамках ЕАЭС и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Детализированная оценка влияния снижения нетарифных барьеров и потенциала торговли услугами даёт возможность точнее определить цели участия России в интеграционных инициативах, включая те, где приоритет отдается институциональной совместимости и снижению транзакционных издержек.
- **Политика поддержки экспорта и привлечения инвестиций.** Исследование выявляет конкретные институциональные и качественные факторы, влияющие на международную конкурентоспособность российской продукции, что создаёт основу для более точечного и результативного подхода к поддержке несырьевого экспорта. Кроме того, акцент на роли либерализации торговли услугами в повышении производительности обрабатывающей промышленности может быть использован при проектировании мер по улучшению инвестиционного климата, особенно в отношении прямых инвестиций в инфраструктуру и бизнес-услуги.
- **Реформирование бюджетной политики с учётом текущих внешнеэкономических условий.** Поскольку государственные расходы влияют как на внутренний спрос, так и на чистый экспорт, подход,

применённый в исследовании, позволяет выработать рекомендации по оптимальному распределению бюджетных ресурсов с учётом внешнеторговых эффектов. Это особенно важно в условиях ухудшения внешнеэкономической конъюнктуры, когда оптимизация бюджета может выступать в роли стабилизатора внешнего баланса. Выводы исследования могут быть использованы при совершенствовании межбюджетных трансфертов, реализации программного подхода к бюджетированию и стимулировании отраслей с высоким экспортным потенциалом.

- **Разработка адаптационных мер в ответ на санкции и внешние ограничения.** Исследование даёт систематизированную оценку экономических последствий санкций и торговых конфликтов для России, что позволяет обосновать и скорректировать стратегические решения в части внешнеэкономической переориентации, локализации производства и поддержки технологической независимости. Отдельное внимание уделяется оценке реакции российских компаний и потребителей на изменение условий торговли и курсовой динамики, что даёт важные поведенческие ориентиры для экономической политики.
- **Политика по снижению внутренних барьеров во внешнеэкономической деятельности, включая рынок ЕАЭС.** Исследование подчёркивает значимость устранения внутренних препятствий, в том числе технических, институциональных и административных, которые ограничивают экономический эффект от внешнеэкономических связей. Это важно как в контексте повышения эффективности участия России в ЕАЭС, так и в более широком смысле — как элемент повышения внутренней конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности.

Апробация результатов

Работа выполнена лично автором, включая этапы определения цели и задач исследования, формулирования гипотез, сбора и подготовки статистических данных, построения теоретических моделей, разработки численных алгоритмов решения моделей общего равновесия, калибровки параметров построенных моделей, проведения эконометрического анализа, тестирования гипотез, формулирования выводов и содержательных интерпретаций.

Основные результаты диссертации были представлены на следующих мероприятиях (табл. 1).

Таблица 1. Представление результатов диссертации

Дата	Мероприятие (город)	Тема выступления
17.04.2025	Семинар ВABT «Перспективы углубления торгово-экономического партнерства России с Индией», г. Москва	Современные тенденции экономического развития Индии
13.03.2025	Конференция, посвященная 270-летию МГУ «(Не)актуальные экономические вопросы: 270 лет дискуссий (к 270-летию юбилею Московского университета)», г. Москва	Факторы и перспективы развития мировой экономики. Тенденции в российской экономике
12.12.2024	Секция управления экономикой ЦДУ на тему «Мировая экономика: тренды и пропорции», Центральный дом учёных, г. Москва	Факторы и перспективы развития мировой экономики. Тенденции в российской экономике
11.12.2024	XV Индийско-Российский бизнес-диалог, г. Москва	Положительные эффекты для экономик Индии, России и государств-членов ЕАЭС в результате заключения преференциального торгового соглашения и его влияние на отдельные отрасли экономики
07.12.2024	Семинар «Стратегические контуры развития Китая и перспективы российско-китайского экономического сотрудничества», ВABT, г. Москва	Экономическое развитие Китая на современном этапе
25.11.2024	Совместный научный семинар «Глобальные дисбалансы и перспективы развития международной торговли» ЭФ МГУ и Института Гайдара, МГУ, г. Москва	Глобальные дисбалансы и перспективы развития международной торговли
18.11.2024	Ежегодная Конференция организаторов и исполнителей мероприятий Президентской программы подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства Российской Федерации, МГУ, г. Москва	Тенденции и направления развития российской экономики в контексте внешнеэкономических вызовов
14.11.2024	Международная научно-практическая конференция «Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты и перспективы» на базе Института экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь	Текущее состояние и возможности углубления интеграции между Россией и Беларусью в условиях внешних ограничений

24.10.2024	I международная научная конференция «Наука для государственного управления в России». Секция «Социально-экономическое развитие: вызовы и приоритеты государственного управления», РАНХиГС, г. Москва	Развитие внешней торговли Российской Федерации в период санкционного давления
21.05.2024	Конференция «Перспективы развития торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества Монголии и стран ЕАЭС», г. Улан-Батор, Монголия	Оценка потенциального экономического эффекта от интеграции Монголии и ЕАЭС
25.04.2024	Круглый стол «Перспективы развития мировой экономики в условиях глобальной экономической фрагментации», ВШЭ, г. Москва	Адаптация к фрагментации глобальной экономики: задачи России на внешнеэкономическом треке
19.04.2024	«Международный бизнес: время вызовов и возможностей» II Международная научно-практическая конференция, ВАВТ, г. Москва	Современная трансформация глобальной экономики и международной торговли: вызовы и возможности для России
29.11.2023	XI Annual Conference on the Global Economy "Re-balancing of the world economy: in search of new models for global development", НИУ ВШЭ, г. Москва	Macroeconomic indicators in Russia: Foreign Economic Trends, Outcomes and Forecasts
06.09.2023	Второй российско-китайский межведомственный семинар по обмену опытом, Минэкономразвития РФ, г. Москва	Особенности экономического развития России на текущем этапе, роль Китая в переориентировании внешнеэкономических связей России
02.06.2023	Экспертный круглый стол «Открывая дверь в новое десятилетие: мегатренды и роль делового сотрудничества в евразийской экономической интеграции», НИУ ВШЭ, г. Москва	Внешний контур евразийской интеграции в текущих условиях
29.05.2023	Экспертный круглый стол: «Открывая дверь в новое десятилетие: мегатренды и роль делового сотрудничества в евразийской экономической интеграции», НИУ ВШЭ, г. Москва	Внешний контур евразийской интеграции в текущих условиях
22.05.2023	VI Международный Форум ЕАЭС НИУ ВШЭ, г. Москва	Евразийская интеграция в новых условиях: внешний контур
11.04.2023	XXIV Ясинская (Апрельская) международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, НИУ ВШЭ, г. Москва	Санкции в отношении России: вызовы и возможности
27.10.2022	Секция управления экономикой (ЦДУ) на тему: «Изменения внешнеторговых потоков в мире: проблемы и решения», Центральный дом учёных, г. Москва	Мировая торговля. Последние тенденции и направления развития: вызовы для России
18.10.2022	Международная научно-практическая конференция «Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы», г. Минск, Беларусь	Тенденции торгово-экономического сотрудничества России с Беларусью: новые вызовы и перспективы
17.10.2022	V Ефимовские чтения «Россия и мир в современных условиях глобальной турбулентности и парадигмы будущего», ВАВТ, г. Москва	Внешняя торговля России в текущих условиях: вызовы и перспективы
14.10.2022	Ежегодная конференция АНЦЭА «Новая реальность: экономический анализ», МГУ, г. Москва	Перспективы и значимость российского импорта в современных условиях
12.10.2022	Научно-практическая конференция «Современные аспекты российской внешней торговли», РАНХиГС, г. Москва	Мировая торговля. Последние тенденции и направления развития: вызовы для России

10.12.2021	Международный экспортный форум «Сделано в России»: партнерство государства и бизнеса, г. Москва	Новый клиентский путь экспортера: первые шаги
11.10.2021	Международная научно-практическая конференция «Вызовы и перспективы экономической политики в 2021–2022 гг.», РАНХиГС, г. Москва	Международная торговля в современных условиях глобальной турбулентности
23.09.2021	Freight & Shipping. Digital 2021: Опыт трансформации транспортной отрасли в эпоху глобальной пандемии	Роль государства в развитии экспорта товаров и услуг. Ожидания и реалии государственного регулирования транспортного рынка
19.04.2021	XXII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, НИУ ВШЭ, г. Москва	Российские экспортёры в контексте встраивания российских фирм в глобальные цепочки добавленной стоимости
16.04.2021	XXII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, НИУ ВШЭ, г. Москва	Стратегия развития ЕАЭС до 2025 года: драйверы и инструменты прорыва
11.12.2020	Гайдаровские чтения, посвященные 30-летию Института Гайдара, г. Москва	Влияние внешнеэкономической деятельности на производительность, значимость импорта для развития экспортной деятельности, издержки транспортировки грузов через государственную границу и модели общего равновесия и их применение для оценки последствий мер торговой политики
18.11.2020	Конференция «85 лет академикам Ивантеру В.В. и Яременко Ю.В., а также 35 лет основания ИМП РАН», г. Москва	Сценарии социально-экономической развития, торговли и бюджетной политики в 2020–2023 гг.
29.05.2020	Круглый стол «В поисках новой архитектуры многополярности: международное сотрудничество ЕАЭС», НИУ ВШЭ, г. Москва	Глобальное развитие ЕАЭС в условиях текущей внешнеэкономической турбулентности
28.05.2020	XXI Апрельская конференция, НИУ ВШЭ, г. Москва	Развитие российского экспорта в контексте встраивания российских фирм в глобальные цепочки добавленной стоимости
12.05.2020	Международная конференция «Стратегии ЕАЭС в эпоху “нового протекционизма”», НИУ ВШЭ, г. Москва	Обновление повестки сотрудничества и позиции России в рамках ЕАЭС
19.03.2020	Конференция «Стратегия экономического партнерства БРИКС», Минэкономразвития, г. Москва	E-Commerce in Russia: Regulation and Opportunities
14.01.2020	XI гайдаровский форум, посвященный теме: «Россия и мир: вызовы нового десятилетия», РАНХиГС, г. Москва	Основные вызовы российской внешнеэкономической политики
22.11.2019	Форум Гайдара-Науманна 2019 Инновационные подходы в отношениях Россия – ЕС в меняющемся мире, г. Берлин, Германия	Modern trade wars in the context of current globalization trends
11.11.2019	Научно-исследовательская конференция "Новое измерение евразийской интеграции: итоги пятилетия Евразийского экономического союза", НИУ ВШЭ, г. Москва	ЕАЭС и внешний мир: интеграция в условиях глобального подъема протекционизма
06.09. 2019	Гайдаровские чтения «Устойчивое развитие Дальневосточного федерального округа в контексте взаимодействия с АТР», г. Хабаровск	Перспективы торгово-экономического сотрудничества России и дальневосточного региона со странами АТО
19.06.2019	Конференция Hamburg without free trade? Liberal Free trade forum 2019, г. Гамбург, Германия	Modern trade wars in the context of current globalization trends
15.04.2019	Ежегодная научная конференция «Ломоносовские чтения — 2019.	Торговые войны в контексте современных трендов глобализации

	Экономические отношения в условиях цифровой трансформации», МГУ, г. Москва	
31.01.2019	Семинар «Беларусь на пути в ВТО», IPM Business School, г. Минск, Беларусь	Последствия вступления России в ВТО
16.01.2019	X Гайдаровский форум «Россия и мир: национальные цели развития и глобальные тренды», РАНХиГС, г. Москва	Санкционные и торговые войны. Новая реальность
09.10.2018	Конференция «Мониторинг экономики России»	The Resource Curse Economy: Focus on Russia in a Global Context
05.10.2018	Гайдаровские чтения «Взаимодействие России и Таджикистана: новые экономические реалии и возможности», г. Душанбе, Таджикистан	Перспективы развития торгово-экономического сотрудничества России и Таджикистана в контексте функционирования Евразийского экономического союза
06.06.2018	Круглый стол «Перспективы общего экономического пространства ЕС – ЕАЭС: вызовы и возможности для бизнеса» в РСПП, г. Москва	Foreign direct investment in the Eurasian countries and Russia. The Role of the European Union
10.04.2018	XIX April International Academic Conference On Economic and Social Development, НИУ ВШЭ, г. Москва	The international experience of economic sanctions: lessons for Russia
18.01.2018	IX Гайдаровский форум «Россия и мир: цели и ценности», РАНХиГС, г. Москва	Экономическое взаимодействие с торговыми партнерами как источник роста российской экономики
25.09.2017	Гайдаровские чтения «Взаимодействие Евразийского экономического союза и инициативы “Один пояс – один путь”», г. Бишкек, Кыргызстан	Евразийская интеграция как источник экономического развития
07.09.2017	III Восточный экономический форум, г. Владивосток	Развитие сотрудничества от Лиссабона до Владивостока
29.07.2017	БИЗНЕС-ФОРУМ «ЭКСПОРТ В ПРИОРИТЕТЕ», г. Москва	Развитие российского экспорта в контексте встраивания в глобальные цепочки добавленной стоимости
26.06.2017	Конференция «Вызовы и возможности экономической интеграции внутри и вне ЕС и Евразии» (Challenges and Opportunities of Economic Integration within wider European and Eurasian Space, Phase II), IIASA, г. Вена, Австрия	Foreign economic relations of the Russian Federation and the European Union: the current position and possible ways for development
31.05.2017	Петербургский международный экономический форум ПМЭФ-2017	Торговля и инвестиции для процветания мегарегиона «от Лиссабона до Владивостока»
19.04.2017	Международный семинар «Сотрудничество государств-членов ЕАЭС с ОЭСР в контексте развития интеграционной повестки Союза. Возможности использования наилучших практик ОЭСР в работе ЕАЭС», ЕЭК, г. Москва	Оценка барьеров для развития внутренних рынков с использованием практики ОЭСР, в том числе базы данных по регулированию рынка (Indicators of Product Market Regulation)
14.01.2017	VIII Гайдаровский форум «Россия и мир: выбор приоритетов», РАНХиГС, г. Москва	Торговая политика в интересах экономического роста
23.11.2016	Конференция EU-EAEU in Greater Eurasia: Long-Term Agenda for Economic Cooperation, IIASA, г. Вена, Австрия	Foreign economic relations of the Russian Federation and the European Union: the current position and possible ways for development
10.10.2016	Конференция «IX. Германо-Российские беседы в Баден-Бадене», г. Баден-Баден, Германия	Foreign economic relations of the Russian Federation and the European Union: the current position and possible ways for development
21.04.2016	XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества, НИУ ВШЭ, г. Москва	Assessing the Impact of Non-Tariff Barriers on Trade within the Eurasian Customs Union
14.01.2016	VII Гайдаровский форум «Россия и мир: взгляд в будущее», РАНХиГС, г. Москва	Основные вызовы российской внешнеэкономической политики

25.09.2015	Гайдаровские чтения «Новые правила и механизмы развития Дальнего Востока России: успешные практики стран АТР и историческая основа экономики региона», г. Владивосток	Перспективы экономической интеграции России со странами Тихоокеанского региона
04.06.2015	Форум Евразийский Союз: нынешнее состояние и перспективы развития», г. Вакербарт, Германия	Possible Economic Effects of the CU—EU Free Trade Agreement
22.05.2015	VIII Астанинский экономический форум, г. Астана, Казахстан	Стратегия экономического роста и эффекты интеграции в Евразийском экономическом союзе и других региональных объединениях
26.03.2015	Форум «Каспийский форум в Амстердаме» с докладом «Влияние экономической интеграции ЕС и США на российскую экономику», г. Амстердам, Нидерланды	The Impact of EU and USA Economic Integration on the Russian Economy
15.01.2015	VI Гайдаровский форум «Россия и мир: новый вектор», РАНХиГС, г. Москва	Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия
16.07.2014	EcoMod2014: International Conference on Economic Modeling, г. Бали, Индонезия	Possible Economic Effects of CU—EU Free Trade Agreement
08.07.2014	Конференция «вызовы и возможности экономической интеграции внутри и вне ЕС и Евразии» (Challenges and Opportunities of Economic Integration within wider European and Eurasian Space), IIASA, г. Вена, Австрия	Possible Economic Effects of the CU—EU cooperation
14.02.2014	Гайдаровские чтения «Интеграционные процессы и перспективы экономического развития Казахстана и России», г. Астана, Казахстан	Возможные экономические последствия торгового соглашения между ЕАЭС и ЕС в контексте евразийской интеграции
16.01.2014	V Гайдаровский форум «Россия и мир: устойчивое развитие», РАНХиГС, г. Москва	Риски бюджетной политики в странах, богатых природными ресурсами
12.11.2013	VIII международная конференция «Углубление и расширение Евразийской интеграции», г. Москва	Таможенный союз и соседние страны: модели и инструменты взаимовыгодного партнёрства
13.03.2013	International Expert Seminar: The Economic Diversification Challenges in Resource-Rich Countries, г. Баку, Азербайджан	Экономика ресурсного проклятия взгляд на Россию, Азербайджан и Казахстан в общемировом контексте

Публикации. По теме диссертации в виде научного доклада опубликованы 77 статей общим объемом 38 а.л. (из них вклад автора 17,7 а.л.), включая 12 статей в изданиях, индексируемых международными базами данных Scopus и WoS, и 65 статей в изданиях, включенных в Перечень изданий, рекомендованных ВАК России для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата (доктора) наук, отнесенных к категориям К-1.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

1. Влияние либерализации сектора услуг на торговлю услугами и производительность в промышленности России и других стран СНГ

Статья А.Ю. Кнобель (2016) посвящена анализу потенциала торговли услугами в странах СНГ и, в частности, в России, а также исследованию воздействия либерализации торговли услугами на эффективность промышленного сектора. Автор диссертации подчеркивает, что в современных экономиках сектор услуг играет ключевую роль: он составляет существенную долю ВВП, обеспечивает занятость, а также активно вовлечён в международную торговлю. Однако, несмотря на растущую значимость услуг, их трансграничный обмен в странах СНГ остается существенно ограниченным как институционально, так и экономически, особенно в торговле с развитыми странами, что требует переориентации акцентов на партнёров по ЕАЭС и другим дружественным странам.

Центральной задачей автор диссертации ставит количественную оценку того, как устранение барьеров на пути торговли услугами может повлиять на объем экспорта и импорта, а также на общую экономическую эффективность, особенно в обрабатывающей промышленности. С этой целью автор диссертации использует гравитационную модель торговли (на базе данных по 13 095 товарным позициям 10-значной классификации ВЭД), адаптированную к специфике торговли услугами, что позволяет учесть как традиционные экономико-географические факторы (расстояние, ВВП, общие границы, язык и т.д.), так и институциональные барьеры, особенно важные именно в торговле услугами. В рамках модели показано, что в отсутствие барьеров торговля услугами между СНГ и странами ОЭСР могла бы быть в 2,5–3 раза выше.

Важный вклад статьи заключается также в том, что автор диссертации рассматривает «услуги» не только как объект торговли, но и как фактор производства, тесно связанный с другими секторами экономики. Отмечается, что

качественные и доступные услуги — в частности, в сфере транспорта, связи, финансов, бизнес-консалтинга — являются критически важными промежуточными ресурсами для обрабатывающей промышленности. Либерализация торговли услугами может привести к удешевлению и повышению качества таких услуг, что, в свою очередь, положительно повлияет на производительность предприятий и рост добавленной стоимости. Эмпирический анализ подтверждает наличие статистически значимой положительной связи между уровнем либерализации торговли услугами и производительностью в промышленности.

Также автор диссертации показывает, что страны СНГ, в том числе Россия, имеют значительный нереализованный экспортный потенциал в секторе услуг. Среди ключевых препятствий автор диссертации называет высокие транзакционные издержки, недостаточное качество институтов, правовую неопределенность, слабую защиту прав собственности и неэффективное регулирование. Существенную роль играют и барьеры невидимого характера — от ограничений на передвижение специалистов до несовершенства систем признания квалификаций и технических стандартов.

Автор диссертации делает вывод о необходимости углубления либерализации торговли услугами как на многостороннем уровне, так и в рамках региональных интеграционных объединений. В частности, автор диссертации подчеркивает потенциал более тесной интеграции услуг в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Для России, как крупнейшей экономики региона, развитие торговли услугами — это не только способ нарастить экспорт, но и инструмент модернизации промышленности и повышения конкурентоспособности экономики в целом.

Таким образом, статья сочетает в себе как теоретический, так и прикладной анализ, подчеркивая стратегическое значение торговли услугами для стран с переходной экономикой. Автор диссертации поднимает важный вопрос о том,

что либерализация торговли услугами должна рассматриваться не как изолированная реформа, а как часть комплексной экономической политики, направленной на устойчивый рост, технологическое развитие и структурную трансформацию экономики.

2. Открытость российской экономики и участие ЕАЭС в региональной интеграции как факторы экономического роста

В серии работ (Кадочников, Кнобель, Синельников-Мурылев, 2016; Кнобель и Седалищев, 2017) автор диссертации рассматривает использование внешнеэкономических факторов для стимулирования роста в России. В условиях снижения доли страны в мировой экономике и внешних шоков акцент делается на развитие интеграционных связей в рамках ЕАЭС и формирование стратегий внутренней либерализации. Автор диссертации показывает, что ставка на протекционизм и узкое импортозамещение ограничивает доступ к технологиям и снижает долгосрочные темпы роста.

Автор диссертации делает вывод, что расширение внешнеэкономической кооперации в рамках ЕАЭС и с дружественными странами способствует повышению производительности, стимулирует конкуренцию, снижает издержки и улучшает доступ к современным технологиям. Прямые иностранные инвестиции становятся источником капитала и знаний, повышают производительность труда и улучшают структуру занятости, особенно в условиях слабого развития внутренних финансовых рынков. Сокращение международного взаимодействия, напротив, может закрепить технологическое отставание: при низком уровне инвестиций в НИОКР и отставании по ряду инновационных показателей России необходимо привлечение и потребление зарубежных технологий.

В этом контексте участие в новых форматах международной торговли и развитие соглашений о свободной торговле, включая двусторонние и многосторонние форматы с участием ЕАЭС, рассматриваются как важные инструменты

расширения российского экспорта — особенно несырьевого. Проведённый автором диссертации сценарный анализ с использованием модели общего равновесия показывает, что расширение сети торговых соглашений способно обеспечить устойчивый, пусть и умеренный, рост ВВП и экспорта, особенно при участии крупных экономик региона. При этом отказ от участия не ведёт к значимым потерям, но и не открывает новых возможностей для роста.

Однако участие в зонах свободной торговли сопровождается отраслевыми рисками: уязвимыми оказываются химическая, пищевая, текстильная промышленность, автопром и деревообработка. В отдельных секторах возможны локальные спады производства. Тем не менее в большинстве отраслей — особенно высокотехнологичных и экспортоориентированных — прогнозируется положительная динамика.

Исходя из этого, автор предлагает многоплановую стратегию, включающую: укрепление системы поддержки экспорта, снятие нетарифных барьеров внутри ЕАЭС, цифровизацию внешнеэкономических процедур, институциональное развитие таможенного и валютного регулирования, а также совершенствование миграционной политики, ориентированной на привлечение высококвалифицированных специалистов. Только такая стратегия, основанная на углублении экономической открытости во взаимодействии с ЕАЭС и дружественными странами, позволит преодолеть технологическое отставание, повысить конкурентоспособность российской экономики и обеспечить устойчивый экономический рост.

3. Бюджетная политика как источник экономического роста

В серии работ (Кудрин, Кнобель, 2017; Kudrin, Knobel, 2018) автор диссертации рассматривает влияние структуры бюджетных расходов России на экономический рост в 2000–2016 гг., с акцентом на оценку эффективности отдельных направлений госрасходов. Автор диссертации использует SVAR-модель, позволяющую оценить краткосрочные и долгосрочные

мультипликаторы по основным статьям бюджета. Выводы исследования особенно актуальны в контексте трансформации внешнеэкономических условий после 2014 года, изменения структуры внешней торговли и санкционного давления. Оценки мультипликаторов на основе SVAR-моделей в целом согласуются со значениями мультипликаторов бюджетных расходов для Российской Федерации, которые были получены в других работах (Иванова, Каменских, 2011; Дробышевский, Назаров, 2012).

Анализ автора диссертации показывает, что перераспределение расходов от непроизводительных статей (национальная оборона, безопасность, правопорядок) к производительным (образование, здравоохранение, дороги) способно существенно повысить темпы экономического роста. В частности, краткосрочные мультипликаторы расходов на здравоохранение и спорт составляют 1,25, а на дорожную инфраструктуру — 1,64, что значительно выше, чем у оборонных расходов (0,22). В долгосрочной перспективе мультипликатор для образования составляет +0,47, тогда как для обороны он отрицательный (–0,52), как и для расходов на безопасность и правопорядок (–1,45).

Важно, что бюджетные расходы не только формируют внутренний спрос, но и влияют на внешний сектор экономики через канал чистого экспорта. Рост госрасходов сопровождается снижением спроса на импорт, так как значительная часть государственных закупок ориентирована на внутреннее производство. Следовательно, при увеличении продуктивных расходов можно ожидать не только роста ВВП, но и укрепления внешнеторгового баланса, особенно в условиях, когда импорт ограничен из-за внешнеполитических факторов.

Особое внимание автор диссертации уделяет периоду 2011–2017 гг., когда на фоне ухудшения внешнеэкономической конъюнктуры и перехода к новой модели внешней торговли произошёл сдвиг в структуре бюджета: доля производительных расходов снизилась, а «силовые» статьи выросли. Это изменение оказало отрицательное влияние на рост экономики — снижение

темпов составило 0,2 п.п. в краткосрочной и 0,3 п.п. в долгосрочной перспективе. В условиях внешнего шока после 2014 г. именно структура бюджетных расходов становится ключевым фактором адаптации экономики: сокращение малопродуктивных трат при одновременном увеличении вложений в человеческий капитал и инфраструктуру может компенсировать падение внешнего спроса и обеспечить устойчивый рост.

В заключении автор диссертации подчеркивает, что в условиях ухудшения внешнеэкономической конъюнктуры сокращение госрасходов может оказывать стабилизирующее влияние на экономику, но это возможно только при сохранении или увеличении доли продуктивных расходов. Предложенный автором диссертации «бюджетный манёвр» — перераспределение средств в пользу образования, здравоохранения и транспорта — способен обеспечить дополнительный прирост ВВП до 0,36 п.п. в краткосрочном и до 0,94 п.п. в долгосрочном периоде. Тем самым бюджетная политика становится важным инструментом не только внутренней стабилизации, но и внешнеэкономической адаптации.

4. Влияние нетарифных барьеров на торговлю внутри Евразийского экономического союза

В работе (Vakulchuk, Knobel, 2018) автор диссертации эмпирически оценивает влияние нетарифных барьеров (НТБ) на внутреннюю торговлю между странами-членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) на примере России, Беларуси и Казахстана в период 2010–2015 гг. Автор диссертации рассматривает, насколько устранение или сокращение таких барьеров может способствовать росту торговли внутри интеграционного объединения. Центральный посыл работы заключается в том, что при прочих равных условиях значительное снижение НТБ способно существенно увеличить объемы торговли внутри ЕАЭС, особенно в наиболее чувствительных секторах — сельском хозяйстве и пищевой промышленности.

На основе гравитационной модели и данных по 13 095 товарным позициям (10-значная классификация ТН ВЭД), автор диссертации эмпирически оценивает влияние НТБ в различных направлениях торговли. Результаты показывают, что полное устранение НТБ увеличила бы внутреннюю торговлю на 24–25%, тогда как сокращение НТБ вдвое дало бы прирост примерно на 11%. Максимальный эффект от потенциального устранения НТБ оценивается в торговле между Беларусью и Казахстаном (до 76% роста), тогда как минимальный — между Россией и Беларусью (около 11%).

Особое внимание автор диссертации уделяет тому, что структура экономик стран ЕАЭС схожа: они ориентированы на экспорт сырья, слабо диверсифицированы, с ограниченным объемом высокотехнологичной продукции и низкой долей обрабатывающей промышленности. Поэтому эффект от интеграции будет скромным без устранения институциональных и нормативных расхождений. НТБ в ЕАЭС проявляются в виде различий в санитарных, фитосанитарных и технических требованиях, отсутствии взаимного признания разрешительных документов, различиях в налогообложении, закупках и регулировании услуг. Это снижает предсказуемость условий торговли и усиливает протекционизм.

Секторальный анализ показал, что чувствительность к НТБ варьируется. Наибольший эффект от их устранения возможен в сельском хозяйстве и пищевой промышленности: 40% прироста торговли при двукратном снижении НТБ и до 105% — при их полном устранении. Высокий потенциал роста также у машиностроения и продукции с высокой степенью переработки (рост до 48%). В то же время в энергетике НТБ оказывают незначительное влияние: торговля нефтью и газом и так регулируется преимущественно на межправительственном уровне и включает значительные субсидии (например, поставки нефти из России в Беларусь без экспортных пошлин). Беларусь в силу этого считается основным бенефициаром внутрисоюзной торговли.

Таким образом, устранение НТБ, реализация мер глубокой интеграции и переход к стратегии внутренней либерализации (СВЛ) формируют основу для создания в ЕАЭС полноценного общего рынка, способного повысить устойчивость и конкурентоспособность экономик стран-участниц.

5. Глубокая интеграция в Евразийском экономическом союзе: что выгоднее — успешная имплементация или более широкая либерализация?

В работе (Knobel et al., 2019) автор диссертации проводит количественную оценку потенциальных выгод, которые страны ЕАЭС могут получить от углубления интеграционных процессов. В отличие от классического фокуса на тарифные барьеры, исследование акцентирует внимание на нетарифных мерах и институциональных ограничениях, которые сегодня представляют основные препятствия для развития торговли и инвестиционной кооперации между странами союза. Ключевыми направлениями анализа становятся: сокращение временных издержек в торговле (time-in-trade), устранение нетарифных барьеров на товары и либерализация доступа иностранных поставщиков услуг через прямые иностранные инвестиции (ПИИ) и трансграничную торговлю. Эти меры рассматриваются в рамках многострановой модели общего равновесия с элементами несовершенной конкуренции и учета эндогенной производительности, охватывающей 28 отраслей.

Результаты моделирования показывают, что реализация мер глубокой интеграции может существенно повысить уровень благосостояния стран-членов. В базовом сценарии, при полной реализации всех трёх направлений либерализации внутри ЕАЭС, наибольшие относительные выгоды получают Армения (+3,1% ВВП) и Беларусь (+4,8%), в то время как для России и Казахстана рост оценивается в +0,8% и +1,7% соответственно. Такой результат обусловлен как относительными масштабами и структурой экономик, так и различной степенью вовлеченности в торговлю и миграционные потоки внутри союза. Для Армении особенно важным каналом интеграции становится

легализованная трудовая миграция в Россию: оценка показывает, что эффект от возможности работать в РФ эквивалентен приросту ВВП Армении на 5,4%, что превышает эффект от сокращения торговых издержек. Беларусь получает наибольший выигрыш от устранения нетарифных барьеров, особенно в секторах, где имеются устойчивые производственные связи с Россией. Казахстан и Россия выигрывают в основном от снижения временных издержек и улучшения условий доступа для иностранных поставщиков услуг через ПИИ.

Автор диссертации также рассматривает сценарий более широкой либерализации, когда аналогичные меры применяются не только внутри ЕАЭС, но и в торговле с третьими странами, в том числе и в торговле с Китаем. В этом случае интеграционные эффекты усиливаются, особенно для стран с более открытой структурой внешней торговли. Так, для России прирост благосостояния увеличивается до 3,6% ВВП, для Беларуси — до 7,2%. Это подчеркивает важность «внешнего измерения» интеграции: по мере того как экономика ЕАЭС становится более взаимосвязанной с глобальными цепочками добавленной стоимости, эффективность внутренних реформ оказывается во многом зависимой от того, насколько они согласуются с либерализацией внешних связей.

Кроме торговых выгод, модель учитывает эндогенные изменения производительности, возникающие благодаря увеличению разнообразия поставщиков (эффект Диксита-Стиглица), а также влияние притока ПИИ в сектор услуг, где традиционно существуют барьеры, связанные с регулированием, лицензированием и ограничениями доступа к инфраструктуре. Таким образом, реформы в области инвестиций и услуг имеют потенциал стать драйверами роста, особенно в России и Казахстане, где сектор услуг является крупным, но часто сдерживаемым институциональными барьерами. Важно, что даже в случае частичной реализации мер эффект сохраняется положительным, что подчеркивает прагматическую ценность поэтапной стратегии интеграции.

Отдельное внимание автор диссертации уделяет политико-экономическому измерению реформ. Автор диссертации предлагает использовать полученные количественные оценки для более сбалансированного внутрисоюзного диалога о перераспределении выгод и компенсациях. Поскольку разные страны-члены ЕАЭС получают выгоды от разных компонентов реформ, подход к интеграции должен быть адаптированным — с возможным использованием механизма взаимных уступок, направленных на максимизацию общего выигрыша. Например, Армения и Кыргызстан могут выступать за усиление трудовой миграции, в то время как Россия и Казахстан — за улучшение условий для ПИИ и снижение временных издержек.

Таким образом, автор диссертации демонстрирует, что глубокая интеграция в ЕАЭС, ориентированная не только на снижение формальных барьеров, но и на институциональное сближение, может стать важным источником роста благосостояния в регионе. В условиях внешнеэкономических вызовов и нестабильности мировой торговой системы, стратегия внутренней либерализации, дополненная рациональной политикой взаимодействия с внешними партнерами, представляется наиболее перспективным направлением для укрепления экономического потенциала ЕАЭС.

6. Международные экономические санкции: теория и практика их применения

В работе (Кнобель, Прока, Багдасарян, 2019) автор диссертации рассматривает теоретические основы и практический опыт применения международных экономических санкций. Автор диссертации проводит комплексный анализ научной литературы и эмпирических данных, акцентируя внимание на политико-экономической природе санкционного давления, а также на его результативности, механизмах воздействия и последствиях. В центре внимания — санкции против России, но исследование опирается также на опыт других стран, таких как Китай, ЮАР, Иран и СССР.

С точки зрения теории, в научном сообществе до сих пор нет единого мнения о целях, эффективности и последствиях санкций. Часто их применение обусловлено не только внешнеполитическими задачами, но и внутренними интересами стран-инициаторов, включая стремление к поддержанию политической легитимности или защите своих экономических субъектов. Многие исследования указывают, что санкции достигают заявленных целей лишь в ограниченном числе случаев, при этом их успешность зависит от целого ряда факторов: характера ограничений, уровня международной поддержки, структуры торгово-экономических связей страны-реципиента и, главное, соотношения издержек для сторон.

Санкции против России, введенные в период 2014–2015 гг., уже охватывали широкий спектр ограничений: доступ к финансовым рынкам, запрет на поставки технологий и оборудования, персональные и секторальные меры. По оценкам автора диссертации, их кумулятивный ущерб составил 6–8,5% ВВП за первые четыре года. Санкции привели к снижению инвестиций, оттоку капитала и росту неопределенности, что ограничило потенциал экономического роста. Однако, как подчеркивается автором диссертации, политическая привлекательность санкций для стран-инициаторов зачастую перевешивает экономические издержки, что и объясняет их широкое распространение несмотря на ограниченную эффективность.

В эмпирической части статьи детально рассматриваются кейсы четырех стран. Китай в ответ на санкции 1989 года избрал курс на открытость и структурные реформы, что обеспечило резкий рост инвестиций и укрепление экономической позиции страны в международной системе. ЮАР на протяжении более двух десятилетий успешно обходила санкции, но в итоге, санкционное давление и отток инвестиций привели к экономическому спаду и политическим реформам. Иран, напротив, занял позицию изоляции и обхода ограничений, что привело к стагнации и маргинализации. СССР в 1980-х годах также предпочел ответные меры и техническое маневрирование, но без системной либерализации внешней

торговли и адаптации к глобализации мировой торговой системе, что, в итоге, ограничило его возможности и стало дополнительным фактором внутреннего кризиса.

На основании анализа автор диссертации формулирует рекомендации для антикризисной политики России в условиях санкций. Наиболее эффективным подходом признана стратегия «либерализации в ответ на санкции», предполагающая усиление рыночных реформ, открытие экономики для инвестиций и выстраивание новых партнерств, в первую очередь со странами, не поддерживающими санкционный режим. Пример Китая иллюстрирует успех такой стратегии. Автор диссертации также подчеркивает важность работы с иностранными компаниями, испытывающими убытки от санкций, предлагая стимулировать их интерес к российскому рынку, а также выявлять потенциальных лоббистов смягчения ограничений.

Таким образом, статья представляет собой глубокий и всесторонний анализ как теоретических основ, так и практических последствий санкционной политики, делая акцент на необходимости проактивной и гибкой экономической стратегии в условиях внешнего давления.

7. Закономерности формирования российскими фирмами цен на экспортных рынках

В работе (Кнобель, Кузнецов, 2019) автор диссертации исследует закономерности формирования цен российского экспорта в зависимости от характеристик страны-импортера. В рамках исследования автор диссертации изучил пространственную вариацию цен российского экспорта с использованием данных максимально возможной детализации — уровня транзакций. Настолько подробные данные позволили выделить ряд поведенческих закономерностей, присущих российским экспортерам, которые невозможно отследить на агрегированных данных. Расчеты, проведенные в работе, указывают на наличие в ценах российских экспортеров таких

механизмов, как отбор по качеству и ценовая дискриминация рынков сбыта. Эти выводы предсказывают модели новейшей теории международной торговли и соответствуют исследованиям систематических различий цен экспорта ряда развитых и развивающихся стран.

Полученные результаты показывают, что влияние отбора фирм по качеству является выраженным в существенно большей степени по сравнению с влиянием ценовой дискриминации. Следовательно, при выборе теоретических моделей для анализа последствий различных экзогенных изменений торговой и/или промышленной политики следует отдавать предпочтение моделям, учитывающим разнородность товаров по качеству.

Расчеты, приведенные в настоящей работе, позволяют указать группы фирм, которые в большей или меньшей степени заинтересованы в конкретном экспортном направлении. Так, на основе результатов расчетов, приведенных в работе, автор диссертации утверждает, что снижение издержек торговли между Россией и наиболее удаленными странами улучшит доступ на эти рынки в первую очередь фирмам, производящим наиболее качественную продукцию, в то же время фирмы, производящие менее качественную продукцию, могут не отреагировать или реагировать крайне слабо на такие изменения в доступе к иностранным рынкам.

Напротив, развитие торговых отношений с менее развитыми и менее удаленными странами, а также со странами с меньшим размером рынка также важно с той точки зрения, что российские фирмы наиболее вероятно начнут экспортную деятельность именно в этих странах. Выход на любой экспортный рынок повышает вероятность дальнейшего расширения экспорта, поэтому снижение торговых барьеров с такого рода странами в долгосрочной перспективе будет иметь значительный положительный эффект на экспорт. Описанный механизм также показывает важность доступа российских экспортеров к импортным комплектующим повышенного качества, поскольку

поставки произведенной с помощью этих комплектующих более качественной продукции могут осуществляться в том числе и на малодоступные рынки. Таким образом, снижение барьеров для импорта промежуточных товаров может стать стимулом для развития российского несырьевого экспорта как с точки зрения качества товаров, так и с точки зрения расширения географии экспортных поставок

Автор диссертации демонстрирует наличие важной размерности разнородности российских фирм — разнородности по качеству, и ее преобладающую роль в поведении агрегированных цен российского экспорта. В свою очередь, выявление закономерностей, связанных различиями фирм в качестве производимой продукции, представляет собой новый шаг к более глубокому пониманию разнородности фирм в целом, что может быть чрезвычайно полезным для анализа тенденций агрегированных показателей и выработке оптимальной внешнеторговой и промышленной политики государства.

8. Оценка масштабов импортозамещения в России в 2014–2016 годах

В работе (Кадочников, Кнобель, Ченцов, 2019) автор диссертации рассчитывает эффекты импортозамещения на основе оценки функций спроса на импортные и отечественные продовольственные товары, а именно эластичностей спроса по доходам потребителей, собственным ценам и ценам товаров-субститутов для семнадцати категорий товаров. Оценки эластичностей спроса были построены в рамках Роттердамской модели, задающей для каждой из семнадцати выделяемых товарных групп продовольствия систему уравнений спроса на отечественные и импортные товары. Используя гипотезу о полноте распределения бюджета, автор диссертации проверил согласованность полученных коэффициентов. Результаты показывают, что получаемые для большинства категорий товаров оценки коэффициентов, согласуются с теоретическими ограничениями соотношения коэффициентов, возникающими в рамках предпосылок роттердамской модели; исключение составляют группы «сахар» и «сигареты»,

для которых гипотеза о полноте распределения бюджета отвергается. Для некоторых товарных групп, затронутых эмбарго, теоретические ограничения выполняются только на данных за период до введения эмбарго. Это связано с тем, что используемые модели спроса не учитывают непосредственным образом введение запретительных мер, ограничивающих потребление (импорт).

Построенные оценки некомпенсированных эластичностей потребления (отечественных) товаров для большинства групп хорошо согласуются с результатами оценок эластичностей потребления продовольствия в странах со средним уровнем дохода, в том числе для товарных групп, затронутых эмбарго.

Сравнение эластичностей спроса на отечественные и импортные товары указывает на их систематические различия, что согласуется с гипотезой о том, что экономические агенты различают отечественные и импортные товары в потреблении. Эти соотношения определяют степень замещения между ними и различия в динамике в ответ на одинаковые изменения, например, дохода. В большинстве товарных групп (двенадцать из семнадцати) эластичность потребления по доходу выше у импортных товаров. Из этого следует, что отечественные товары чаще являются необходимыми товарами с неэластичным спросом по доходу, а импортные чаще воспринимаются как деликатесные. Кроме того, некомпенсированная эластичность спроса по собственной цене больше (в абсолютном выражении) у импортных товаров (для пятнадцати из семнадцати групп). Это говорит о том, что отечественные товары чаще являются товарами повседневного спроса, для которых характерен неэластичный спрос по цене.

Изменение потребления отечественных товаров можно представить в виде трех эффектов: эффекта дохода, эффекта замещения из-за изменения собственной цены и эффекта замещения из-за изменения цены импортного товара. Следует отметить асимметрию этих компонент для отечественных и импортных товаров. Эффект замещения из-за изменения собственной цены импортных товаров играл

определяющую роль в снижении потребления импорта восьми из семнадцати товарных групп. При этом эффект замещения из-за изменения собственной цены отечественных товаров доминировал в изменении потребления отечественных товаров только в двух группах («рыба» и «сыр»). А вот эффект замещения из-за изменения перекрестной цены импортных товаров играл определяющую роль в увеличении потребления отечественных товаров в восьми группах.

В целом, предсказанные моделью изменения потребления отечественных и импортных товаров в 2016 году по сравнению с 2013-м хорошо согласуются с фактическими изменениями потребления. Исключениями являются группы «мясо» и «масло сливочное», для которых предсказанное изменение потребления отечественных товаров значительно ниже фактического, а импортных товаров, наоборот, выше. Последнее вероятно связано с тем, что эти группы были в значительной мере затронуты введением продовольственного эмбарго. Невозможность прямого учета экзогенных (нулевых) квот на объемы потребления группы товаров (импорта из ряда стран) является одним из ограничений Роттердамской модели спроса. Еще одно практическое ограничение возникает при применении оцененных коэффициентов уравнения спроса на товар, занимающий малую долю в общем потреблении. Предсказанные значения для таких товаров могут сильно отличаться от фактических значений в силу большей волатильности объемов потребления и особенностей используемых теоретических соотношений между коэффициентами. Такая ситуация возникла, например, для объемов потребления импортных яиц и масла растительного, предсказанные значения динамики спроса на которые сильно разошлись с фактическими изменениями.

Автор диссертации приходит к выводу, что основным фактором снижения потребления импорта и роста потребления отечественных товаров явилось увеличение цен импорта. Для таких крупных групп продовольствия, как «мясо» и «продукция из овощей и фруктов», изменение собственной цены импорта

практически полностью объясняет снижение потребления импорта (на 53 и 28% соответственно) и рост потребления отечественных товаров (на 34 и 55%).

Вторым по важности фактором изменения потребления автор диссертации обозначил снижение доходов. Оно определило снижение потребления отечественных товаров в шести группах, а среди импортных товаров — в четырех группах. Для алкогольных напитков снижение расходов объясняет снижение потребления отечественных товаров на 14% (из 16%), а импортных — на 34% (из 29%; другие эффекты частично компенсировали эффект дохода). Третий по важности фактор — эффект замещения из-за изменения цены отечественных товаров. Этот эффект оказал определяющее и статистически значимое влияние только на снижение потребления отечественной рыбы (на 12%).

9. Тенденции развития мировой торговли последних десятилетий и современные вызовы для её развития

В работе (Кнобель, Пыжиков, Алиев, 2020) автор диссертации рассматривает ключевые тенденции и вызовы, определяющие развитие мировой торговли в последние десятилетия. Автор диссертации подчеркивает, что с начала XXI века произошел значительный сдвиг в направлении активизации торговой деятельности развивающихся стран, прежде всего Китая, ставшего крупнейшим экспортером товаров и одним из лидеров по импорту. При этом Россия сохраняет свою значимость в мировой торговле, хотя ее доля в глобальных объемах экспорта и импорта несколько снизилась за последние годы.

Помимо многосторонней торговой системы (ВТО), важную роль играют региональные торговые соглашения (РТС), число которых существенно увеличилось с начала 1990-х годов. Современные РТС становятся всё более сложными и глубокими, включающими не только традиционные торговые обязательства, но и положения, выходящие за рамки мандата ВТО — в частности, касающиеся экологии, трудовых стандартов, регулирования

инвестиций и интеллектуальной собственности. Такие соглашения, как Всеобъемлющее и прогрессивное транстихоокеанское партнёрство (ВПТТП) и Африканская континентальная зона свободной торговли, охватывают значительное число участников и усиливают роль региональных блоков в мировой торговле.

Тем не менее, несмотря на институциональное развитие, глобальная торговля в последние годы столкнулась с рядом структурных и политических вызовов. К их числу автор диссертации относит ослабление глобального экономического роста, обострение торговых конфликтов (прежде всего между США и Китаем), рост политической и экономической неопределенности, например, Brexit и другими дезинтеграционными процессами, а также кризис доверия к существующим международным торговым институтам. Один из наиболее острых конфликтов — американо-китайская торговая война, которая привела к взаимному введению высоких тарифов практически на весь объем двусторонней торговли. Несмотря на заключение в январе 2020 г. «соглашения первой фазы», проблемы, касающиеся, в частности, субсидирования китайских госпредприятий, остались нерешёнными.

Особое внимание автор диссертации уделяет влиянию роста торгово-политической неопределенности на поведение экономических агентов. В условиях неясных правил игры компании сокращают инвестиции и откладывают внешнеэкономические решения, что негативно сказывается на динамике мировой торговли. Рост неопределенности, по оценкам Всемирного банка, уже до пандемии оказывал статистически значимое влияние на сокращение объемов импорта: увеличение неопределенности на 1% снижает импорт на 0,02 п.п. Это подтверждается динамикой индекса глобальной неопределенности (World Uncertainty Index), достигшего рекордных значений в 2019 г.

Автор диссертации приходит к выводу, что дальнейшее восстановление темпов роста мировой торговли возможно лишь при условии системного

реформирования многосторонней торговой системы. Однако текущая ситуация, характеризующаяся отсутствием консенсуса между ключевыми странами, политизацией торговых процессов и нарастанием протекционизма, делает такие реформы маловероятными в краткосрочной перспективе. Мировая торговля находится в периоде устойчивой неопределенности, который требует адаптации механизмов регулирования к новой глобальной реальности. Одной из важных альтернатив является расширение использования двух- и многосторонних торговых соглашений, подтверждающих правила взаимной торговли в условиях кризиса ВТО.

10. Последствия реализации налогового маневра: добыча нефти и производство нефтепродуктов

В работе (Каукин, Кнобель, Фиранчук, 2017) автор диссертации анализирует влияние реализации налогового маневра на структуру российского экспорта нефтепродуктов. В конце 2014 г. в России была запущена масштабная реформа налогообложения нефтяного сектора, получившая название «налоговый маневр». Его ключевая цель заключалась в повышении эффективности нефтеперерабатывающей промышленности за счёт изменения соотношения между экспортными пошлинами и налогом на добычу полезных ископаемых (НДПИ). Согласно плану, с 2015 по 2017 год экспортные пошлины на нефть и светлые нефтепродукты должны были последовательно снижаться, а ставка НДПИ — расти. Предполагалось, что это создаст стимулы для модернизации нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ), увеличения глубины переработки нефти и сокращения доли темных фракций, таких как мазут.

Однако в 2016 году реализация намеченного плана была приостановлена: дальнейшее снижение экспортной пошлины на нефть было заморожено, а НДПИ продолжал повышаться. Эти меры объяснялись необходимостью пополнения бюджета в условиях экономического кризиса. Несмотря на частичную реализацию реформы, её влияние на объемы добычи и переработки нефти оказалось ограниченным. В 2015–2016 годах добыча нефти в России продолжала

расти, тогда как доля перерабатываемой нефти снижалась — с 57,7% в 2014 году до 53,9% в 2016 году. Это, вероятно, связано с общим снижением внутреннего спроса на нефтепродукты в условиях экономического спада.

Наиболее заметные изменения произошли в структуре выпуска нефтепродуктов: доля мазута сократилась с 28,7% до 20,1%, тогда как производство автомобильного бензина и других светлых фракций немного увеличилось. Таким образом, даже неполная реализация налогового маневра способствовала некоторому повышению эффективности переработки и переориентации производства на более ценные фракции.

Что касается экспорта, то в 2004–2015 гг. экспорт сырой нефти оставался относительно стабильным, тогда как экспорт нефтепродуктов существенно увеличивался. Однако в 2016 году впервые за долгое время наблюдалось снижение физического объема экспорта нефтепродуктов (на 11% по сравнению с предыдущим годом), особенно мазута и дизельного топлива. Одновременно увеличился экспорт товарных бензинов, легких дистиллятов и смазочных масел.

Проведенный автором диссертации анализ структуры экспорта показал, что изменение экспортных пошлин оказывало заметное влияние на экспортные потоки. В частности, увеличение пошлины на мазут привело к значимому снижению его доли в общем экспорте, тогда как сокращение пошлин на бензины обеспечило рост их вывоза.

Таким образом, налоговый маневр, несмотря на отклонения от первоначального плана, оказал влияние на перераспределение экспортных потоков, способствуя сокращению доли темных нефтепродуктов и росту экспорта более качественных, высокомаржинальных продуктов. Кроме того, отсутствие экспортных пошлин в торговле с ЕАЭС, по мнению автора диссертации, фактически означает субсидирование партнёров России по этому интеграционному объединению (см. также Кнобель, 2015).

11. Оценка эффективности региональной системы поддержки экспорта

В работе (Кнобель, Лощенкова, 2018) автор диссертации анализирует региональную систему поддержки экспорта. Исследуется эффективность инструментов поддержки и других факторов, влияющих на развитие регионального экспорта. Автор диссертации подчеркивает ряд проблем системы: отсутствие координации между центром и регионами, низкую информированностью фирм о доступных мерах поддержки, административную сложностью получения помощи для малых и средних предприятий, а также недостаточную адаптацию инструментов к потребностям бизнеса. Особое внимание автор диссертации уделяет ограниченной эффективности региональных экспортных центров и нехватке современных форм поддержки, таких как логистическая помощь и инвестиционное кредитование.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что региональные меры поддержки экспорта, особенно финансируемые из региональных бюджетов, оказывают положительное влияние на объемы совокупного экспорта региона. Для проверки этой гипотезы автор диссертации использует панельные данные по 83 регионам России за 2010–2016 годы и оценивает влияние государственных расходов на программы поддержки малого и среднего бизнеса, включая меры по стимулированию экспорта, с учетом ряда социально-экономических и географических факторов. В модели учитываются подушевой ВРП, обеспеченность капиталом, занятость, наличие природных ресурсов, инвестиционный климат, а также географические особенности (наличие порта или границы с другим государством).

Проведенный автором диссертации анализ показывает, что значительное влияние на экспорт оказывают такие факторы, как обеспеченность региона земельными ресурсами, наличие природных богатств, высокий инвестиционный климат и доступ к портам. Финансирование региональных программ поддержки экспорта положительно сказывается на объемах экспорта, тогда как влияние федеральных трансфертов статистически менее значимо и слабее по эффекту.

Автор диссертации объясняет это тем, что региональные власти обладают лучшим знанием локальных потребностей бизнеса и более мотивированы в развитии экспортного потенциала.

В то же время деятельность региональных центров содействия экспорту не демонстрирует статистически значимого влияния на объемы экспорта, что авторы связывают с низкой квалификацией их сотрудников и недостаточной интеграцией с федеральными институтами поддержки. Более того, анализ распределения средств показал, что объемы государственной поддержки не всегда коррелируют с наличием перспективных молодых экспортно-активных фирм в регионе. Это свидетельствует о неэффективном распределении ресурсов.

В заключении автор диссертации подчеркивает, что для повышения результативности государственной поддержки экспорта необходимо усилить роль регионов в финансировании и реализации программ, при этом обеспечить надзор со стороны федерального центра. Также следует повысить профессиональный уровень сотрудников экспортных центров и создать единую систему поддержки, объединяющую региональный и федеральный уровни. Важным направлением становится более целевое распределение средств в регионы с высокой концентрацией перспективных экспортеров, таких как субъекты Дальнего Востока, Центральной России и Сибири.

12. Влияние пандемии коронавируса на глобальные интеграционные процессы

В серии работ (Кнобель, Пыжиков, Кутовая, 2020; Баева, Кнобель, 2020) автор диссертации анализирует последствия пандемии COVID-19 на международную торговлю, многостороннюю торговую систему и глобальные интеграционные процессы. Пандемия COVID-19 оказала серьезное влияние на международную торговлю и интеграционные процессы, вызвав задержки в переговорах и ратификации преференциальных торговых соглашений. Многие страны приостановили переговоры или перевели их в формат видеоконференций, что

снизило эффективность обсуждений. В результате были отсрочены сроки заключения и вступления в силу ряда соглашений, включая Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП), Африканскую континентальную зону свободной торговли (АКЗСТ), а также соглашения ЕАЭС с Египтом, Израилем и Индией. Наряду с уже набравшими силу торговыми конфликтами и кризисом многосторонней системы (включая работу Апелляционного органа ВТО), пандемия спровоцировала волну торговых ограничений, принятых для защиты здоровья населения.

Великобритания, завершив выход из ЕС, продолжала переговоры по новым соглашениям, однако пандемия значительно снизила шансы на заключение сделки с ЕС до конца переходного периода. Аналогичная ситуация наблюдается и в других регионах: переговоры либо замедлены, либо переведены в онлайн-формат, что затрудняет возможности неформального обсуждения для поиска компромиссов.

Некоторые страны приняли специальные временные торговые меры. ЕС и Великобритания освободили от пошлин и НДС медицинское оборудование, Индия предложила временно не требовать сертификатов происхождения для товаров, а ЕАЭС обнулil ввозные пошлины на продукцию, необходимую для борьбы с пандемией, и упростил таможенные процедуры.

Многие страны, включая Россию, Казахстан и другие государства ЕАЭС, ввели санитарные и фитосанитарные меры (СФС), ограничив импорт и транзит животных и продукции животного происхождения из Китая. Были введены также ограничения на перемещение людей и международные авиасообщения, что дополнительно повлияло на торговлю и логистику.

Серьезное распространение получили экспортные ограничения: по данным Всемирной таможенной организации, более 38 стран ограничили вывоз медицинских товаров, средств индивидуальной защиты и продовольствия. ЕАЭС ввел запрет на экспорт части медицинской и продовольственной

продукции, включая крупы и зерновые, хотя их доля в мировом экспорте незначительна. Россия также установила квоты на экспорт зерна в страны за пределами ЕАЭС.

В то же время многие страны, включая государства-члены ЕАЭС, принимали и меры по либерализации торговли — временное обнуление пошлин и НДС на медицинские товары и продукты первой необходимости.

ВТО зафиксировала более 230 нотификаций, связанных с COVID-19, из которых около 40% касались технических барьеров в торговле (ТБТ), почти 30% — СФС-мер. При этом в рамках норм ВТО подобные меры допустимы при соблюдении принципов недискриминации, соразмерности и прозрачности. Россия и другие страны нотифицировали введение и снятие временных ограничений, подтверждая формальное соответствие этим нормам.

Таким образом, по мнению автора диссертации, пандемия не только усилила торгово-политическую неопределенность, но и выявила схожесть многих применяемых различными странами экстренных мер. Это показывает необходимость в консолидации усилий стран в рамках интеграционных объединений, так как согласованность действий позволяет повысить эффективность мер. Опыт торговых мер в период пандемии может привести к пересмотру содержания торговых соглашений с учетом устойчивости цепочек поставок и введения новых механизмов координации в кризисных ситуациях. Хотя меры, принятые в условиях пандемии, ограничили торговлю, большинство из них соответствуют нормам ВТО как исключения, направленные на защиту общественного здоровья.

13. Эволюция российской торговли в 2016–2019 гг.

В серии работ (Кнобель, 2016а; Кнобель, Фиранчук, 2016а; Кнобель, 2016б; Кнобель, Фиранчук, 2016б; Кнобель, Фиранчук, 2016в; Кнобель, Фиранчук, 2016г; Алиев, Зайцев, Кнобель, 2017; Кнобель, Фиранчук, 2017а; Кнобель, Фиранчук, 2017б; Кнобель, Фиранчук, 2017в; Кнобель, Фиранчук, 2017г;

Кнобель, Фиранчук, 2017д; Кнобель, Фиранчук, 2017е; Кнобель, Фиранчук, 2018а; Кнобель, Фиранчук, 2018б; Кнобель, Фиранчук, 2018в; Кнобель, Фиранчук, 2018г; Кнобель, Фиранчук, 2018д; Кнобель, Фиранчук, 2019а; Кнобель, Фиранчук, Лаврищева, 2019; Кнобель, Фиранчук, 2019б; Кнобель, Фиранчук, 2019в; Кнобель, Фиранчук, 2020а; Кнобель, Фиранчук, 2020б) автор диссертации исследует динамику внешней торговли товарами и услугами Российской Федерации.

Основным детерминантом российского экспорта является конъюнктура мировых цен на нефть и другие сырьевые товары, динамика которых часто сонаправлена.

В 2016 году российский экспорт в стоимостном выражении сократился до \$285,5 млрд (83,1% от уровня 2015 года), главным образом из-за падения цен на топливо, которое обеспечило 9/10 общего снижения. В результате такой ценовой динамики, доля топлива в экспорте снизилась с 70% в 2014 году до 58% в 2016-м. Одновременно сократился экспорт несырьевых товаров, особенно продукции средней и высокой степени переработки.

Цены на экспортные товары также снизились почти во всех других товарных группах, особенно на металлы и продукцию химической промышленности. Увеличение физического объёма экспорта, наблюдавшегося в ряде случаев, не компенсировало падение цен. Исключением стали зерно и стиральные машины, экспорт которых в стоимостном выражении вырос.

В 2017 году экспорт демонстрировал уверенное восстановление после кризисных спадов предыдущих лет: он вырос на 25% по сравнению с 2016 годом и достиг 357,1 млрд долларов, причем наибольший вклад внесли топливно-энергетические товары, стоимостной объем которых увеличился на 27,2% (до 211,5 млрд долларов). В экспорте топлива основную роль сыграло подорожание: несмотря на снижение физических объемов поставок нефти и нефтепродуктов, выручка росла за счёт роста цен. Существенный вклад также внес рост

физических объемов поставок природного газа. Прочие товарные группы также показали рост — на 21,9%, до 145,6 млрд долларов, за счет роста экспортных цен большинства основных экспортных товаров, за исключением минеральных удобрений. В экспорте зерна значительное увеличение было обеспечено как ценами, так и наращиванием физического объема (+30%).

Металлургическая продукция показала наибольший рост экспортной выручки (+28%) за счёт резкого повышения цен на черные металлы, медь и алюминий. Аналогичная ситуация наблюдалась и в лесной, бумажной и химической отраслях. В то же время экспорт машин и оборудования вырос скромнее — на 15,5%, а рост стоимостного объема в этой группе был достигнут скорее за счет цен, чем увеличения поставок.

Однако по сравнению с докризисным уровнем экспорт в 2017 году все еще оставался существенно ниже: общий объем составил лишь 67,9% от показателя 2013 года, несмотря на заметное улучшение по сравнению с 2016 годом. Экспорт топливных товаров в 2017 году составил лишь 57% от уровня 2013 года, тогда как экспорт прочих товаров почти восстановился — 93,8%.

В 2018 экспорт товаров продолжил рост (+25,8% по сравнению с 2017 годом) и составил 450 млрд долларов. Основной вклад в это увеличение внес экспорт топливно-энергетических товаров, который вырос на 35,2%, что было обусловлено продолжившимся ростом мировых цен на нефть, газ и нефтепродукты. Экспорт прочих товаров увеличился на 11,7%.

В 2018 году также продолжился рост цен на основные сырьевые товары, что обеспечило увеличение стоимостных объёмов экспорта, особенно заметным был рост стоимости СПГ, зерна, удобрений, древесины и черных металлов. В то же время экспорт высокотехнологичной продукции оставался стабильным (+2,7%) и составил 29 млрд долларов. Несмотря на положительные тенденции, экспорт несырьевых неэнергетических товаров (ННЭ), наращивание которого определено приоритетной задачей государственной политики, в этот период

лишь в отдельных отраслях, таких как продовольствие и текстиль, темпы роста были достаточны для достижения целевых показателей.

В 2019 году произошло первое за несколько лет снижение стоимости экспорта (-6%), опять же главным образом отражающее динамику цен на топливно-энергетические товары. При этом физические объемы вывоза нефти, газа и других энергоресурсов остались в целом стабильными, что подчеркивает доминирующее влияние ценовой конъюнктуры на экспортные доходы. Экспорт товаров за пределами топливно-энергетического комплекса также немного сократился — в основном из-за снижения мировых цен на металлы, древесину, химикаты и отдельные виды техники, несмотря на устойчивость или умеренный рост физических объемов поставок.

Основным краткосрочным детерминантом российского импорта, особенно до пандемии, являлась динамика курса рубля: совокупные объёмы импорта демонстрировали высокую корреляцию с динамикой курса рубля.

В 2016 году на фоне относительно стабильного курса объем импорта практически не изменился по сравнению с 2015 годом и составил 182,3 млрд долларов. Однако в 2017 году на фоне укрепления курса рубля импорт существенно вырос (+24,5%), достигнув 227,0 млрд долларов, что составляет около 72% от докризисного уровня 2013 года. В 2018 году импорт также показал положительную динамику (+5,1%), достигнув 240,5 млрд долларов. В 2019 году импорт сохранил слабоположительную динамику (+2,2%), чему способствовала относительная стабильность курса рубля и восстановление потребительского и инвестиционного спроса.

Автор отмечает, что на всем рассматриваемом периоде наблюдалась чёткая положительная связь между импортом и реальным курсом рубля: ослабление рубля сопровождалось сокращением импорта и наоборот. Коэффициент корреляции составил 0,93 на периоде 2014–2017 годов, и 0,85 - с 2018 года. Это объясняется тем, что изменение курса почти напрямую влияет на цену

импортных товаров для российских потребителей, а высокая эластичность импорта по курсу делает его ключевым каналом внешнеэкономической адаптации.

Учитывая зависимость курса рубля от мировых цен на сырьевые товары и их доминирование в экспорте, российский импорт и экспорт демонстрировали синхронную динамику. Аналогичную, но менее выраженную корреляцию с курсом рубля автор диссертации зафиксировал и для стоимостных объемов нетопливного экспорта (коэффициент 0,40), что обычно не ожидается для промышленных товаров. Такой результат связан с доминированием в данной категории сырьевых и однородных товаров, цены на которые часто имеют высокую корреляцию с ценами на нефть, следовательно, и курсом рубля.

В период 2014-2019 гг. уже наблюдалось плавное изменение географической структуры торговли с разворотом на Восток.

В 2016 году доля ЕС в товарообороте России снизилась (на 6,8 п.п. с 2013 г.), в том числе в импорте и нетопливном экспорте, особенно в части вывоза меди и никеля. Одновременно выросли доли стран АТЭС (особенно Китая) и ЕАЭС; а доля Украины сократилась более чем вдвое за тот же период.

В 2017 году произошла относительная стабилизация географической структуры внешней торговли. После нескольких лет снижения, доля ЕС в товарообороте почти не изменилась, сохранившись на уровне в 42,2% (- 7,4 п.п. к 2013 году). Доля стран АТЭС продолжала расти, достигнув 30,5%, чему способствовало активное развитие торговли с Китаем. Доля ЕАЭС также немного увеличилась, в основном за счет роста доли Казахстана, а доля Украины стабилизировалась на уровне 2,2%.

В 2018 году на фоне роста цен топлива — основы российской торговли с ЕС тех лет — доля Европейского союза в товарообороте несколько увеличилась. При этом сохранялась активизация сотрудничества с Китаем также за счет экспорта.

В 2019 году географическая структура торговли продолжала медленно трансформироваться: снижалась доля ЕС, росла значимость Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего Китая. Доля стран ЕАЭС в российской внешней торговле также увеличилась, особенно благодаря расширению взаимной торговли с Казахстаном.

Сальдо торговли услугами традиционно остаётся отрицательным. Экспорт услуг во многом формируется за счёт транспортных, логистических и других сопутствующих операций, связанных с вывозом товаров. Импорт услуг, напротив, в значительной степени обусловлен выездным туризмом — его доля в структуре импорта стабильно велика. Объёмы импорта таких услуг, как и импорт товаров, демонстрируют высокую чувствительность к курсу рубля.

В 2016 году внешняя торговля услугами сократилась: экспорт снизился на 9,4%, а импорт — на 7,6%. Снижение экспорта было связано, прежде всего, с падением объёмов туризма, транспортных и строительных услуг, а в импорте — с уменьшением поставок транспортных, деловых и строительных услуг.

В 2017 году экспорт увеличился лишь на 2,4%, тогда как импорт вырос на 15,5%. Основной статьёй импорта вновь стали расходы граждан за рубежом, объёмы которых значительно увеличились на фоне укрепления рубля. Рост экспорта услуг при этом оставался ограниченным, поскольку зависел от спроса на российские транспортные и сопутствующие услуги.

В 2018 году экспорт услуг рос быстрее импорта — 12,4% против 6,6%, что позволило частично сократить дефицит. Основной вклад в рост экспорта внесли транспортные и туристические услуги, а также телекоммуникации и строительство. Импорт также продолжал увеличиваться, особенно в сферах туризма и строительства, но по-прежнему оставался ниже докризисного уровня 2013 года.

Укрепление рубля способствовало росту выездного туризма и, соответственно, импорту услуг. Географическая структура торговли услугами в эти годы менялась сходно со структурой товарооборота: сокращалась доля ЕС, одновременно активизировалось сотрудничество с Турцией и Китаем.

К допандемийным примерам внешних шоков можно отнести результаты референдума о выходе Великобритании из ЕС («Брекзит»), которые вызвали значительные колебания на мировых финансовых рынках, сохранявших к тому моменту важность для России. Однако, несмотря на опасения, что это могло негативно сказаться на российской внешней торговле, влияние ограничилось краткосрочной волатильностью мировых цен на энергоресурсы, а экономическое взаимодействие с Великобританией не претерпело существенных изменений.

Автор отмечает, что в целом российская внешняя торговля уже до периода пандемии демонстрировала способность к быстрой адаптации к внешним шокам. Основным детерминантом краткосрочной динамики экспорта оставались цены на нефть и другие ключевые сырьевые товары. Динамика импорта товаров и услуг определялась прежде всего курсом рубля, который, в свою очередь, зависел от цен на нефть, что приводило к синхронному движению стоимостных объемов импорта и экспорта. Адаптация российской внешней торговли к санкционным ограничениям и резкому снижению цен на нефть, произошедшим в 2014 году, в целом завершилась к 2017–2018 годам.

14. Реакция российской торговли на пандемию в 2020–2021 гг.

В серии работ (Кнобель, Фиранчук, 2020в; Кнобель, Фиранчук, 2020г; Кнобель, Фиранчук, 2021а; Кнобель, Фиранчук, 2021б; Кнобель, Фиранчук, 2022а) автор диссертации исследует реакцию внешней торговли на шок, вызванный пандемией COVID-19.

В 2020 году мировая торговля столкнулась с новыми вызовами — пандемией COVID-19 и обвалом цен на нефть, вызванным как снижением спроса, так и

разногласиями в рамках ОПЕК+. Эти факторы привели к резкому снижению экспортных поступлений России и, как следствие, ослаблению рубля.

К концу 2020 г. российский товарооборот, несмотря на неполный возврат мировых цен на энергоносители к докризисным показателям, в целом преодолел падение, вызванное пандемией. Импорт товаров в 2020 г. снизился относительно предыдущего года на 5,3%. Восстановление оборота услуг происходило медленнее из-за сохраняющихся ограничений на поездки.

Экспорт энергетических и сырьевых товаров в 2020 году упал на 35%, а несырьевой неэнергетический экспорт (ННЭ) вырос на 4,1% за счет трехкратного увеличения продаж золота, спрос на которое вырос из-за глобальной неопределенности. Без учета вывоза золота ННЭ сократился на 4,3% в основном за счет снижения экспортных цен (-4,1%), в том числе на металлы, химическую продукцию и древесину. Экспорт высокотехнологичных товаров уменьшился на 14% из-за сокращения физических объемов вывоза, так как их производство оказалось более чувствительно к антиковидным ограничениям и перебоям в глобальных цепочках поставок.

Быстрое восстановление произошло уже в 2021 году. Российский внешнеторговый оборот достиг 785 млрд долларов, увеличившись на 38% по сравнению с 2020 годом и установив рекорд с 2014 года. Основным драйвером роста стал экспорт, увеличившийся почти на 46% благодаря резкому росту мировых цен на российские товары, особенно энергоресурсы. Экспорт несырьевых неэнергетических товаров достиг рекордных 197,8 млрд долларов (+31%) за счет роста цен, при этом физические объёмы оставались стабильными. Импорт также существенно вырос (до 293,4 млрд долларов, +27%), чему способствовал как рост цен, так и увеличение физических объёмов поставок.

Автор диссертации приходит к выводу, что шок, вызванный пандемией COVID-19, продемонстрировал высокую адаптивность и устойчивость российского экспорта сырьевых и однородных товаров, тогда как восстановление более

высокотехнологичного экспорта оказалось более продолжительным. В условиях пандемии импорт также испытал краткосрочные потрясения, но уже к концу 2020 года восстановился за счёт послабления антиковидных мер и укрепления рубля.

15. Реакция российской торговли на санкционный шок в 2022–2023 гг.

В работах (Кнобель, Фиранчук, 2022б; Кнобель, Фиранчук, 2023) автор диссертации исследует реакцию внешней торговли на более масштабный шок, вызванный обострением санкционного противостояния в 2022 году.

Сырьевая структура российского экспорта обеспечила его устойчивость к санкционным ограничениям, которые не привели к значимому сокращению физических объемов вывоза основных экспортных товаров, за исключением трубопроводного природного газа, поставки которого привязаны к инфраструктуре. Благоприятная ценовая динамика, в первую очередь на европейском рынке, позволила достичь рекордного объема экспорта в 2022 году — 591,5 млрд долларов (+19,9%). При этом доля минерального топлива в структуре экспорта резко возросла — до 64,9%. Основной прирост был обеспечен за счёт экспорта в нейтральные страны, такие как Китай, Индия и Турция, тогда как торговля с «недружественными» странами сокращалась под воздействием санкций. К концу 2022 года экспорт в Европу сократился в два раза по сравнению с 2021 годом. Наибольшее падение поставок наблюдалось в Великобританию, США, Южную Корею, страны ЕС и Японию.

Весной 2022 года санкционные ограничения, рост традиционных издержек, обрыв логистических цепочек и резкое усиление неопределённости привели к синхронному падению импорта как из «недружественных», так и из нейтральных стран. Однако оперативные меры правительства, стабилизация ситуации с логистикой и появление альтернативных механизмов расчётов, а особенно существенное укрепление рубля, позволили восстановить импорт из

нейтральных стран к середине 2022 года и обеспечить его дальнейший рост. При этом импорт из недружественных стран продолжил снижаться.

По итогам 2022 года импорт составил 259,1 млрд долларов, сократившись всего на 11,7%, что, с учётом масштаба шоков, свидетельствует о высокой адаптивности российской внешней торговли. Основным каналом адаптации стала переориентация на поставщиков из нейтральных стран. Импорт из «недружественных» стран действительно сократился почти вдвое, однако это падение было практически полностью компенсировано ростом поставок из нейтральных стран (+26%). Во втором полугодии поставки из нейтральных стран стали основным источником импорта — благодаря укреплению рубля и снижению конкуренции на рынках из-за ухода западных компаний.

Переориентация внешней торговли в 2022 году сопровождалась резким снижением экспорта на рынки «недружественных» стран и значительным увеличением поставок на нейтральные рынки: особенно вырос экспорт в Китай (+44%), Турцию (в 2,1 раза) и Индию (в 4,3 раза), главным образом за счёт перенаправления поставок нефти.

Автор диссертации приходит к выводу, что основная фаза адаптации и переориентации российской внешней торговли завершилась к концу 2022 года. Ключевыми элементами устойчивости российского экспорта является его сырьевая структура, которая позволяет перенаправлять поставки практически на любые рынки, предоставляя в начальные периоды скидки (дисконты). Устойчивость российского импорта была обеспечена своевременными мерами по либерализации поставок и готовностью нейтральных стран расширять своё присутствие на российском рынке. При этом следует отметить сохраняющуюся зависимость России от поставок ряда ключевых товаров из «недружественных» стран. В первую очередь к ним относятся химическая продукция и медицинские приборы.

16. Платёжный баланс

В серии работ (Божечкова, Кнобель, Трунин, 2017а; Божечкова, Кнобель, Трунин, 2017б; Божечкова, Кнобель, Трунин, 2017в; Божечкова, Кнобель, Трунин, 2017г; Божечкова, Кнобель, Трунин, 2017д; Божечкова, Кнобель, Трунин, 2018; Божечкова, Кнобель, Лаврищева, Трунин, 2018; Божечкова, Кнобель, Трунин, 2019; Божечкова, Кнобель, Трунин, 2020а; Божечкова, Кнобель, Трунин, 2020б; Божечкова, Кнобель, Трунин, 2021) автор диссертации исследует структуру платежного баланса Российской Федерации.

В 2016 году положительное сальдо счёта текущих операций России сократилось до 22,2 млрд долларов (на 68% по сравнению с 2015 годом) главным образом из-за падения профицита торгового баланса товаров — с 148,5 до 87,8 млрд долларов. Это объяснялось снижением стоимостных объемов как сырьевого (особенно топливного), так и несырьевого экспорта. Снижение экспорта сопровождалось почти неизменным уровнем импорта, в том числе из-за стабильного реального курса рубля.

Импорт услуг сократился (в первую очередь за счёт падения расходов россиян на зарубежные поездки), тогда как экспорт услуг остался стабильным. В результате дефицит баланса услуг сократился с -36,9 до -24,3 млрд долларов. Баланс оплаты труда также улучшился (дефицит снизился с -5,1 до -2,5 млрд), а прочие компоненты счёта текущих операций (балансы инвестиционных доходов, ренты и вторичных доходов) остались стабильными и отрицательными. Таким образом, несмотря на общее снижение профицита, динамика других компонентов частично компенсировала падение торгового баланса.

В 2017 году сальдо текущего счёта выросло до 40,2 млрд долларов, что на 58% выше уровня 2016 года. Это произошло благодаря росту профицита товарного торгового баланса до 115,8 млрд долларов, обусловленного увеличением стоимостных объемов экспорта (в основном из-за роста цен на нефть и другие

сырьевые товары), несмотря на рост импорта на фоне укрепления реального курса рубля.

При этом баланс торговли услугами ухудшился: несмотря на рост экспорта и импорта услуг, последний рос быстрее, что увеличило дефицит с -23,8 до -30,2 млрд долларов. Баланс оплаты труда и инвестиционных доходов не претерпел существенных изменений. Таким образом, в 2017 году, как и в предыдущем, главным фактором колебаний сальдо текущего счета оставались динамика торгового баланса и баланса услуг, в значительной мере определяемые колебаниями цен на экспортируемые углеводороды. При этом падение одной компоненты, как правило, частично компенсировалось ростом другой.

В 2018 году сальдо счёта текущих операций России достигло рекордных 114,9 млрд долл., увеличившись в 2,5 раза по сравнению с 2017 годом. Основным источником роста стал торговый баланс товаров, который составил 194,4 млрд долл. (+68% к 2017 г.) благодаря росту экспортных цен на нефть, газ и другие сырьевые товары, при слабом росте импорта (+4,6%) и ослаблении рубля.

Баланс торговли услугами также укрепился — его дефицит сократился до — 30,2 млрд долл. за счёт опережающего роста экспорта услуг (+13%, особенно туризм и транспорт в период ЧМ-2018) по сравнению с импортом (+7,5%).

Баланс оплаты труда и баланс инвестиционных (первичных) доходов улучшились незначительно: дефицит по оплате труда сократился до -1,8 млрд долл., по инвестиционным доходам — до -38,9 млрд долл.

Таким образом, структура счёта текущих операций в 2018 г. была сбалансированной: резкое увеличение профицита по торговле товарами и частичное улучшение по другим компонентам позволили достичь высоких итоговых значений.

В 2019 году сальдо счёта текущих операций снизилось до 70,6 млрд долл. (-38% относительно 2018 г.), в первую очередь из-за ухудшения **товарного баланса** (до

163,1 млрд долл., –16% относительно 2018 г.) за счёт падения экспортных цен при стабильных объёмах поставок. Импорт при этом вырос на 2,5% в связи с укреплением рубля. **Баланс услуг** ухудшился: дефицит увеличился до –34,8 млрд долл. вследствие роста импорта услуг (+3,9%) и незначительного снижения экспорта (–1,5%). **Баланс инвестиционных доходов** ухудшился на 5,9 млрд долл. до –44,5 млрд долл., главным образом из-за роста выплат нерезидентам. **Баланс оплаты труда** также стал более отрицательным — –3,3 млрд долл.

В целом, несмотря на снижение отдельных компонентов, структура счёта текущих операций сохранялась устойчивой: снижение товарного профицита частично компенсировалось стабильностью в других сегментах.

В 2020 году сальдо счёта текущих операций России сократилось до 32,5 млрд долл., вдвое меньше, чем в 2019 году, главным образом из-за ухудшения товарного баланса. Падение экспорта на 22% (до 329,5 млрд долл.) при относительно умеренном снижении импорта (на 5,7%) привело к сокращению профицита торговли товарами до 89,4 млрд долл. Это было вызвано в первую очередь снижением цен на нефть и другие базовые товары. Однако ослабление рубля поддержало конкурентоспособность и сдержало рост импорта.

Снижение отрицательного сальдо торговли услугами (с –36,7 до –18,3 млрд долл.) и улучшение баланса оплаты труда (с –3,6 до –1,7 млрд долл.), а также инвестиционных доходов (с –50 до –30,5 млрд долл.) частично компенсировали падение товарного баланса. Улучшение этих компонентов автор диссертации объясняет резким сокращением поездок за границу и репатриации доходов, вызванными пандемией и закрытием границ.

В 2021 году счёт текущих операций резко укрепился: сальдо выросло до рекордных 120,3 млрд долл., что в 3,3 раза превышает показатель 2020 года. Основной вклад внес товарный баланс, увеличившийся почти вдвое — до 185,9 млрд долл. Рост экспорта составил 47%, достигнув 490 млрд долл., на фоне

стабилизации физического объёма поставок и повышения экспортных цен. Импорт вырос менее существенно — на 27%.

Баланс услуг немного ухудшился (до –19,9 млрд долл.) из-за восстановления внешних поездок и транспортных услуг. Баланс оплаты труда и ренты остался близким к нулю, тогда как дефицит по инвестиционным доходам снова увеличился (до -41,6 млрд долл.) вследствие роста прибыли иностранных инвесторов в России. В целом, несмотря на колебания отдельных компонентов, структура счёта текущих операций продемонстрировала устойчивость: падение одной категории компенсировалось улучшением других.

Турбулентность 2022 года была обусловлена введением санкционных ограничений, которые, очевидно, не привели к ожидаемым «недружественными» странами результатам. Сальдо счёта текущих операций России в 2022 году продемонстрировало значительное укрепление по сравнению с предыдущим годом, несмотря на спад в последнем квартале. За первые три квартала сальдо достигло рекордных 196 млрд долларов — в 2,6 раза больше, чем за тот же период 2021 года, — однако в четвёртом квартале показатель снизился до 31,4 млрд долларов, что на 33% меньше уровня годичной давности. Это изменение связано, прежде всего, с ухудшением торгового баланса, в то время как другие компоненты счёта текущих операций частично компенсировали это снижение.

Рекордные значения профицита текущих операций привели к значительному укреплению рубля, которое было усилено сужением объёма валютного рынка России.

Баланс торговли товарами и услугами в четвёртом квартале 2022 года составил 45,9 млрд долларов — на 26% меньше, чем годом ранее. Снижение произошло за счёт падения экспортных доходов из-за уменьшения как физических объёмов вывоза, так и цен на ключевые статьи российского экспорта, в частности нефть и газ. Причинами стали как рыночные условия, так и введённые со стороны ЕС

санкции, включая эмбарго и ценовые ограничения. Одновременно стоимостный объём импорта также снизился, но в меньшей степени, за счёт ограничений логистики и санкционного давления. Однако по сравнению с предыдущим кварталом импорт продемонстрировал рост за счёт адаптации к новым маршрутам поставок и укрепления рубля. На фоне ухудшения торгового баланса в IV квартале 2022 году стабилизирующее значение приобрёл баланс первичных и вторичных доходов. Несмотря на снижение как поступлений из-за рубежа, так и выплат за рубеж, общая величина дефицита по этому компоненту оказалась немного ниже, чем годом ранее. Существенное уменьшение доходов к выплате связано с введёнными ограничениями на трансграничное перемещение капитала, которые снизили возможность репатриации прибыли иностранными инвесторами. Эти меры стали важным фактором поддержки текущего счёта: они препятствовали оттоку средств за рубеж, тем самым частично компенсируя падение торгового сальдо.

В 2023 году наблюдается продолжение этих тенденций. В третьем квартале сальдо текущих операций составило 16,6 млрд долларов — в три раза меньше, чем годом ранее. Торговый баланс продолжил ухудшаться: экспорт упал на 25% из-за снижения цен на основные товары и неполного перенаправления экспортных потоков, а импорт вырос на 10% в результате восстановления поставок. Одновременно баланс торговли услугами стал более дефицитным: импорт туристических и других услуг восстанавливался после падения 2022 года, тогда как экспорт, особенно транспортных, снижался.

На фоне этих изменений особенно выделяется продолжившееся улучшение баланса первичных и вторичных доходов: в третьем квартале 2023 года его дефицит сократился в 13,5 раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Это вновь объясняется действием ограничений на репатриацию прибыли, снижением выплат за рубеж и слабой инвестиционной активностью, что позволяет говорить о сохраняющейся компенсаторной роли этого компонента в структуре счёта текущих операций.

Таким образом, несмотря на изменение внешнеэкономических условий и обострение санкционного давления, счёт текущих операций России остаётся относительно стабильным. При снижении одного компонента — например, торгового баланса — компенсирующую роль берут на себя другие, в частности баланс доходов. Усиление контроля за движением капитала и ограничение вывода прибыли за рубеж, по мнению автора диссертации, стали важным фактором стабилизации внешнеэкономического положения страны.

17. Россия как донор международной помощи: эволюция подходов и приоритетов

В серии работ (Кнобель, Зайцев, 2017; Кнобель, Зайцев, 2018; Кнобель, Зайцев, 2019; Кнобель, Зайцев, 2020; Кнобель, Зайцев, 2021; Кнобель, Зайцев, 2023) автор диссертации исследует политику России в области содействия международному развитию. С начала 2000-х годов Россия активно формирует собственную политику содействия международному развитию (СМР), вернувшись в ряды доноров в 2004 году. На протяжении последних двух десятилетий Россия стабильно оказывает экономическую, гуманитарную и техническую помощь развивающимся странам, причем структура и направления этой помощи заметно трансформировались.

Существенный рост объемов российской помощи был зафиксирован с 2009 года — в ответ на глобальный кризис. Одним из ключевых шагов стало учреждение Антикризисного фонда ЕврАзЭС. Последующее увеличение помощи автор диссертации связывает с рядом геополитических и интеграционных задач: к 2016 году объем ежегодной помощи стабилизировался на уровне более 1 млрд долларов.

С 2014 года наблюдается отчетливый сдвиг от многосторонней к преимущественно двусторонней помощи: на долю двусторонних программ приходилось до 74,5% общего объема официальной помощи развитию (ОПР) в 2016 г. Двусторонний формат позволил быстрее реализовывать проектный

подход и продвигать национальные приоритеты, включая геополитическое влияние и укрепление связей с ключевыми партнёрами.

Главными бенефициарами российской двусторонней помощи являются страны СНГ (Кыргызстан, Таджикистан, Армения), а также Сирия, Куба, КНДР и некоторые страны Африки. Особое внимание уделяется гуманитарным миссиям, технической помощи, списанию долгов, а также поддержке в сферах здравоохранения и продовольственной безопасности.

Списание долгов является значимой частью стратегии России в СМР. Например, Кыргызстану был списан долг на сумму более 270 млн долларов в 2016–2018 гг., Монголии — около 174 млн долларов, Эфиопии — 163,6 млн долларов. Всего Африканским странам Россия простила более 20 млрд долларов долга. Часто такая мера преподносится как «долг в обмен на развитие».

Также Россия оказывала помощь в виде военных поставок и кредитов на военные нужды (Кыргызстан, Куба), хотя подобные формы не учитываются в статистике ОПР согласно критериям ОЭСР.

Несмотря на доминирование двустороннего подхода, Россия сохраняет активное участие в многосторонних инициативах. Крупнейшими партнёрами здесь выступают учреждения Группы Всемирного банка, Программа развития ООН, ВПП, ФАО. Многосторонняя помощь составила порядка 25–37% совокупной ОПР в 2016–2018 гг.

Россия также вносит взносы в региональные банки развития, прежде всего в Евразийский банк развития (3,5 млрд долларов портфеля, или более 42% его общего объема).

СМР активно используется как механизм поддержки евразийской экономической интеграции. Через фонды, такие как Российско-кыргызский Фонд развития (РКФР), осуществляется адаптация экономик стран-партнеров (особенно Кыргызстана) к требованиям ЕАЭС, в том числе за счет проектов в

энергетике, транспорте и агросекторе. Дополнительным «скрытым» инструментом поддержки являются нефтегазовые трансферты, возникающие из-за отсутствия экспортных пошлин в торговле энергоносителями между странами ЕАЭС. В 2011–2017 гг. их совокупный объем составил десятки миллиардов долларов, хотя в последние годы наблюдается их снижение на фоне «налогового маневра» и падения мировых цен на нефть.

С 2019 года в методологии учета ОПР, принятой Комитетом содействия развитию ОЭСР, произошли изменения: была введена система оценки грант-эквивалента по займам, а также более четкие критерии учета расходов на безопасность и беженцев. Это требует от России адаптации статистики и отчетности к международным стандартам, особенно в части инструментов частного финансирования и поддержки через финансовые институты.

Россия занимает устойчивую позицию в качестве донора международной помощи, особенно в рамках евразийского пространства и на глобальной арене в рамках гуманитарных инициатив. Хотя объемы российской помощи по-прежнему далеки от целевого уровня 0,7% ВНД, заявленного ООН, страна демонстрирует растущую активность, разнообразие форм помощи и стратегическую направленность.

Наблюдается переход от универсального подхода к более гибкой и политически ориентированной стратегии — от равномерного распределения помощи к её целенаправленному использованию как инструмента внешнеэкономической и интеграционной политики. В будущем эффективность российской СМР будет зависеть от способности сочетать политические цели с международными обязательствами и стандартами.

Российская политика содействия международному развитию (СМР) в последние годы демонстрирует устойчивую институциональную и практическую эволюцию. Объём официальной помощи развитию (ОПР) в 2019 году вновь превысил 1 миллиард долларов, достигнув 1,13 млрд долларов или 0,07%

валового национального дохода. Важнейшим направлением СМР по-прежнему остаётся списание долгов зарубежным странам, объём которого составил 424,93 млн долларов. Основной объём помощи был предоставлен на двусторонней основе (61,2%), но также наблюдался рост доли многостороннего финансирования (38,8%), значительная часть которого шла через институты ООН, включая Программу развития ООН (ПРООН) и Всемирную продовольственную программу (ВПП).

Россия активно участвует в финансировании международных организаций: в 2019 году через Всемирный банк было перечислено более 30 млн долларов, в том числе в Международную ассоциацию развития (МАР) и 24 трастовых фонда, направленных на поддержку образования, МСП, госфинансов и других сфер. Значительный объём финансирования направлялся и в региональные банки развития, включая Евразийский банк развития и Евразийский фонд стабилизации и развития. Сотрудничество охватывало страны СНГ, Африки, Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, включая помощь в виде поставок медикаментов в Венесуэлу, проекты с участием «Росатома» в Лаосе, а также гуманитарную помощь в ответ на пандемию COVID-19, оказанную как развивающимся (ЦАР, Перу, Зимбабве), так и развитым странам (Италии, США).

Несмотря на рост российского участия в программах международной помощи, статистика ОЭСР не учитывает значительную часть программ России, например, помощь Абхазии и Южной Осетии, а также ряд мероприятий, направленных на борьбу с терроризмом и военную помощь, что занижает официальные показатели ОПР. Тем не менее, сохраняющийся высокий уровень финансирования программ СМР отражает стремление России укреплять своё влияние, особенно в странах СНГ, и продвигать цели евразийской экономической интеграции. Использование двусторонних каналов также способствует поддержке национального бизнеса и расширению экспорта.

В марте 2023 года был принят новый вариант Концепции государственной политики в сфере СМР, который усилил акцент на двусторонние программы и отказ от политических условий оказания помощи. Приоритет отдан странам ЕАЭС, СНГ, другим постсоветским государствам, а также странам, имеющим с Россией дружественные связи или стратегическое значение. Концепция охватывает 16 направлений, включая стимулирование экономической активности, содействие региональной интеграции, поддержку в сфере образования и здравоохранения, развитие чрезвычайного реагирования. Основным координатором СМР остаётся Межведомственная комиссия по СМР, созданная в 2020 году.

Россия сохраняет активное участие в многостороннем сотрудничестве, особенно в рамках продовольственной безопасности. В 2023 году было выделено 10 млн долларов в ВПП ООН на помощь Бурунди, Гвинее, Зимбабве, Мали и Эритрее. Кроме того, около 15 млн долларов было направлено на третий этап проекта школьного питания в Кыргызстане. Аналогичные проекты реализуются в Армении, Таджикистане, Шри-Ланке, Камбодже, Лаосе и на Кубе. В Армении за 10 лет программа достигла высокого уровня институционализации и была передана под управление местного правительства.

В секторе здравоохранения Россия оказывает техническую помощь странам Восточной Европы, Закавказья и Центральной Азии, включая поставки вакцин и медицинского оборудования. В 2023 году в Кыргызстан была передана партия вакцин от чумы, в Уганду — мобильная лаборатория, а в Бурунди открыта лаборатория для диагностики инфекций. Серьёзное внимание также уделяется обучению медицинского персонала.

Продолжается реализация инициативы «Долг в обмен на развитие». Так, в 2023 году было подписано соглашение с Сомали о частичном списании долга на сумму около 690 млн долларов, а с Республикой Конго — о переориентации долга в размере 29,64 млн долларов на проекты в области здравоохранения,

образования и энергетики. Программа охватывает и другие страны, такие как Куба, Мадагаскар, Мозамбик и Танзания.

Особое внимание в российской политике СМР продолжает уделяться развитию образования. Россия открывает русскоязычные классы за рубежом и предоставляет стипендии для обучения в российских вузах. В 2023 году в Сирии при поддержке Правительства Москвы были открыты классы русского языка.

Таким образом, современная российская стратегия содействия международному развитию представляет собой сочетание экономических, гуманитарных, образовательных инструментов, направленных на реализацию внешнеполитических приоритетов, укрепление евразийской интеграции и развитие партнерских связей со странами глобального Юга.

18. ПИИ в России: чувствительность к ожиданиям санкционного давления

В серии работ (Зайцев, Кнобель, 2018; Кнобель, Зайцев, 2019) автор диссертации исследует потоки прямых иностранных инвестиций в Российскую Федерацию. После глобального финансового кризиса 2008 года Россия демонстрировала устойчивый рост объёмов входящих прямых иностранных инвестиций (ПИИ), что свидетельствовало о привлекательности российской экономики для зарубежных инвесторов. Однако этот тренд был нарушен в 2014 году, когда в ответ на украинский кризис началось введение экономических санкций со стороны США, ЕС и других стран. Эти ограничения сопровождалось усилением макроэкономических рисков, ростом политической неопределённости и ухудшением инвестиционного климата.

В то же время уже в 2014 году стало ясно, что иностранные инвесторы реагируют не только на уже введённые санкции, но и на ожидания их дальнейшего ужесточения. Даже на фоне временной стабилизации потока инвестиций в 2016–2017 годах ключевым барьером оставалась неопределённость относительно будущей санкционной политики, что делало Россию менее предсказуемой для

долгосрочного капитала. К примеру, рост ПИИ в 2016 году был в значительной степени обусловлен единичными крупными сделками (продажа доли в «Роснефти» и другие), а не массовым улучшением инвестиционного настроения.

Резкое снижение объема входящих ПИИ в 2018 году — более чем в три раза по сравнению с 2017 годом — стало наглядным подтверждением чувствительности иностранных инвесторов к негативным ожиданиям. Это снижение произошло не на фоне введения новых крупных санкционных пакетов, а в контексте усиления риторики со стороны западных стран и неопределённости относительно будущих ограничений. Примечательно, что первая половина 2018 года ещё демонстрировала положительную динамику инвестиций (более 10 млрд долларов за два квартала), однако уже во втором полугодии последовал отток капитала, что прямо указывает на смену ожиданий и усиление тревожных настроений среди инвесторов.

Таким образом, инвестиционное поведение иностранных компаний в отношении России демонстрировало опережающую реакцию. Даже в условиях формальной стабильности санкционного режима любое усиление санкционной риторики, геополитическая напряжённость или ухудшение восприятия России в мировых СМИ вызывали снижение инвестиционного интереса, в том числе уход крупных западных инвесторов с российского рынка. Ярким примером стал выход американской ConocoPhillips ещё в 2015 году, а также завершение сделок по продаже активов UC Rusal, En+ и Группы ГАЗ в 2018 году.

Даже несмотря на отдельные позитивные сигналы — такие как реинвестирование прибыли иностранными компаниями, уже присутствующими в РФ, или интерес азиатских инвесторов — общий тренд был подавляюще негативным. Российская экономика продолжала испытывать отток капитала, а ПИИ сохранялись на уровнях, существенно ниже периода до 2014 года.

Особенно остро негативные ожидания сказались на территориальном распределении инвестиций: большая их часть концентрировалась в нескольких

высокодоходных регионах (Москва, Санкт-Петербург и др.), тогда как периферийные регионы оставались малопривлекательными. Попытки правительства РФ стимулировать приток инвестиций в такие регионы (например, через упрощение визового режима на Дальнем Востоке) сталкивались с тем же барьером — неопределённостью будущих условий работы для иностранного капитала.

Таким образом, по наблюдениям автор диссертации, реакция ПИИ на санкции в случае России носила во многом упреждающий характер. Не столько уже введённые ограничения, сколько ожидания их усиления определяли инвестиционную активность. Это подчёркивает ключевую уязвимость российской экономики: её высокая зависимость от внешней политико-экономической повестки, отражающаяся в инвестиционном климате через призму ожиданий. Политическая и правовая предсказуемость, прозрачность и стабильность остаются ключевыми факторами для устойчивого притока прямых иностранных инвестиций, и в условиях их отсутствия даже крупные компании с долгосрочными интересами в России пересматривают свою стратегию.

19. Торговые войны и их влияние на торговлю и экономическое развитие

В серии работ (Кнобель, Пыжиков, 2019; Кнобель, Пономарева и Седалищев, 2022) автор диссертации анализируют торговую войну, инициированную США в отношении Китая в 2017–2019 годах, и её последствия. Результаты проведенного моделирования эффектов торговой войны, связанных с тарифными ограничениями, показали, что в целом экономики США и Китая испытывают негативные эффекты от торгового противостояния. Автор диссертации приводит расчеты на основе вычислимой модели общего равновесия как на отраслевом, так и на общеэкономическом уровнях. Причиной отрицательного итогового эффекта является высокая степень взаимной зависимости и ориентации компаний на сформированные цепочки добавленной стоимости и торговой кооперации между США и Китаем; шоки значительных

торговых ограничений в краткосрочной перспективе ожидаемо приводят к негативным эффектам.

Более значимыми и долгосрочными являются процессы технологического размежевания сфер международной кооперации между США и Китаем, которые развиваются в последнее время. Переориентация технологического и производственного взаимодействия происходит за счет мер нетарифного регулирования торговли обеими странами. В результате расширения применения инструментов экспортного контроля и масштабного субсидирования высокотехнологичных отраслей со временем могут сложиться более независимые технологические полюса, тяготеющие либо к США, либо к Китаю. Отправной точкой такого открытого противостояния вопреки устоявшимся нормам многостороннего регулирования международной торговли стала торговая война США и Китая в 2017–2019 годах, оформившая стратегический курс обеих стран на переориентацию существовавших форматов внешнего взаимодействия и кооперации.

С приходом Дональда Трампа к власти в США по итогам выборов 2016 г. произошёл резкий поворот во внешнеэкономической политике страны. Одними из первых шагов новой администрации стали выход из Транстихоокеанского партнёрства, отказ от поддержки ВТО в прежнем виде и курс на пересмотр действующих торговых соглашений. В центре новой стратегии оказались задачи защиты американских производителей на внутреннем рынке, возврата производственных мощностей в страну, снижения торгового дефицита, сдерживания экономического роста Китая и реформирования ВТО.

Формирование такой политики объясняется накопившимися структурными проблемами в глобальной торговле. Во-первых, глобализация привела к неравномерному распределению выгод между развитыми и развивающимися странами, а также между высоко- и низкоквалифицированной рабочей силой, что усилило социальное неравенство. Во-вторых, несмотря на значительное

усиление позиций развивающихся стран, правила многосторонней торговли остаются в значительной степени прежними — сформированными развитыми странами в конце XX века. Особенно показателен пример Китая, который, несмотря на свою ведущую роль в мировой торговле, сохраняет в рамках ВТО статус развивающейся страны, что даёт ему дополнительные преимущества. В-третьих, на фоне усложнения торговых соглашений конца 2000-х годов наметился откат к двустороннему формату, что увеличивает фрагментацию торговых правил.

На этом фоне торговая война между США и рядом стран, прежде всего Китаем, развернулась в трёх основных направлениях: металлургия, трансфер технологий и автомобилестроение. В марте 2018 года США ввели повышенные пошлины на импорт стали и алюминия, сославшись на угрозу национальной безопасности. Это вызвало ответные меры со стороны многих стран, включая Китай, ЕС, Канаду и Россию. В ЕАЭС также были приняты защитные меры по инициативе российских металлургических компаний.

Второй фронт торговой войны был связан с претензиями США к Китаю по поводу трансфера технологий. В результате расследования USTR в 2017 году было заявлено, что китайское законодательство фактически поощряет использование и «улучшение» иностранных технологий без должной защиты прав интеллектуальной собственности. США начали поэтапное повышение тарифов на китайский импорт, что вызвало симметричный ответ со стороны КНР. В результате под ограничения попала почти вся двусторонняя торговля, и, хотя некоторые низкотехнологичные отрасли США от этого выиграли (производство изделий из кожи, деревообработка, производство металлических изделий), большая часть секторов — как в Китае, так и в других странах — пострадала. Согласно оценкам автора, потери американского ВВП от торговой войны составляют порядка 85 миллиардов долларов США в год, китайского — порядка 155 миллиардов долларов США в год. Торговые потоки стали перераспределяться, но общий объём мировой торговли снизился. При этом

заявленные цели Трампа достигаются лишь частично: влияние на рост американской экономики практически отсутствует, улучшение торгового баланса с Китаем незначительно (не более 90 миллиардов долларов США), а с остальным миром — и вовсе отсутствует. Более того, негативные последствия ощутили и высокотехнологичные отрасли США.

Наконец, третьим направлением потенциальной эскалации торговых войн стало автомобилестроение. США инициировали расследование в отношении импортируемых автомобилей и комплектующих, которое в первую каденцию президента Д. Трампа могло завершиться, а во вторую — завершилось введением дополнительных 25-процентных пошлин. От ограничений предварительно освобождены лишь Мексика и Канада благодаря условиям соглашения USMCA. Если эти ограничения не будут отменены, основной удар примут на себя производители из ЕС и Японии. Несмотря на временное отсроченное введение пошлин, перспективы деэскалации торговых конфликтов пока не просматриваются.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Материалы диссертации в виде научного доклада, опубликованные автором, включают (с учетом вклада автора):

А. Статьи в изданиях, индексируемых международными базами данных.

1. Кнобель А.Ю., Пономарева О.В., Седалищев В.В. Торговая война США и Китая и ее последствия для мировой экономики. Экономическая политика. 2024. Т. 19. № 5. С. 30-53 (0.45 а.л.);
2. Кнобель А.Ю., Пыжиков Н.С., Алиев Т.М. Тенденции развития мировой торговли последних десятилетий и современные вызовы для ее развития. Журнал новой экономической ассоциации. 2020. Т. 45. № 1. С. 174-182 (0.23 а.л.);
3. Knobel, A., Lipin, A., Malokostov, A., Tarr, D. G., Turdyeva, N. Deep integration in the Eurasian Economic Union: what are the benefits of successful implementation or wider liberalization? Eurasian Geography and Economics. 2019. Vol. 60. № 2. P. 177–210 (0.47 а.л.);
4. Кадочников П.А., Кнобель А.Ю., Ченцов А.М. Оценка масштабов импортозамещения в России в 2014-2016 года. Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 1. С. 8-33 (0.47 а.л.);
5. Кнобель А.Ю., Прока К.А., Багдасарян К.М. Международные экономические санкции: теория и практика их применения. Журнал новой экономической ассоциации. 2019. Т. 43. № 3. С. 152-162 (0.32 а.л.);
6. Кнобель А.Ю., Кузнецов Д.Е. Закономерности формирования российскими фирмами цен на экспортных рынках. Журнал новой экономической ассоциации. 2019. Т. 41. № 1. С. 100-127 (1.0 а.л.);
7. Vakulchuk, R., Knobel, A. Impact of non-tariff barriers on trade within the Eurasian Economic Union. Post-Communist Economies. 2018. Vol. 30. № 4. P. 459–481 (0.87 а.л.);
8. Kudrin A, Knobel A. Russian budget structure efficiency: Empirical study. Russian Journal of Economics. 2018. Vol. 4. № 3. P. 197-214 (0.74 а.л.);
9. Кудрин А.Л., Кнобель А.Ю. Бюджетная политика как источник экономического роста. Вопросы экономики. 2017. № 10. С. 5-26 (0.78 а.л.);
10. Кнобель А.Ю., Седалищев В.В. Риски и выгоды для ЕАЭС от различных сценариев интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 2. С. 72-85 (0.44 а.л.);
11. Кадочников П.А., Кнобель А.Ю., Синельников-Мурылев С.Г. Открытость российской экономики как источник экономического роста. Вопросы экономики. 2016. № 12. С. 26-42 (0.42 а.л.);
12. Кнобель А.Ю. Влияние либерализации сектора услуг на торговлю услугами и производительность в промышленности России и других стран СНГ. Прикладная эконометрика. 2016. Т. 44. № 4. С. 75-99 (1.7 а.л.);

Б. Статьи за последние 10 лет в научных изданиях, индексируемых наукометрической базой данных RSCI, или в изданиях, отнесенных к категориям К-1 или К-2 из Перечня рецензируемых научных изданий.

13. Зайцев Ю.К., Кнобель А.Ю. Российская помощь развитию приобретает двусторонний характер. Экономическое развитие России. 2023. Т. 30. № 11. С. 8-11 (0.18 а.л.);
14. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Платежный баланс в третьем квартале 2023 г. Экономическое развитие России. 2023. Т. 30. № 11. С. 4-7 (0.14 а.л.);
15. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Платежный баланс во втором квартале 2023 г. Экономическое развитие России. 2023. Т. 30. № 8. С. 4-7 (0.14 а.л.);
16. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Платежный баланс в первом квартале 2023 г. Экономическое развитие России. 2023. Т. 30. № 5. С. 4-7 (0.15 а.л.);
17. Кнобель А., Фиранчук А. Динамика товарооборота России с основными партнерами в 2022 г. Экономическое развитие России. 2023. Т. 30. № 4. С. 8-14 (0.18 а.л.);
18. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Платежный баланс РФ в четвертом квартале 2022 г. Экономическое развитие России. 2023. Т. 30. № 3. С. 4-7 (0.13 а.л.);
19. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Платежный баланс в третьем квартале 2022 г. Экономическое развитие России. 2022. Т. 29. № 11. С. 4-7 (0.13 а.л.);
20. Фиранчук А., Кнобель А. Оценка товарооборота России с основными партнерами в январе-июле 2022 г. Экономическое развитие России. 2022. Т. 29. № 10. С. 13-23 (0.25 а.л.);
21. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Платежный баланс во втором квартале 2022 г. Экономическое развитие России. 2022. Т. 29. № 8. С. 12-14 (0.13 а.л.);
22. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Сальдо счета текущих операций в первом квартале 2022 г. выросло в условиях рекордного оттока капитала. Экономическое развитие России. 2022. Т. 29. № 5. С. 9-12 (0.14 а.л.);
23. Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля в 2021 г.: рост экспорта за счет скачка цен. Экономическое развитие России. 2022. Т. 29. № 2. С. 10-14 (0.13 а.л.);
24. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Платежный баланс: итоги 2021 г. Экономическое развитие России. 2022. Т. 29. № 1. С. 4-8 (0.15 а.л.);
25. Зайцев Ю.К., Кнобель А.Ю. Российская помощь в целях развития в период пандемии коронавируса в 2020 г. Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 12. С. 8-11 (0.13 а.л.);
26. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Платежный баланс в третьем квартале 2021 г. Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 10. С. 4-8 (0.16 а.л.);

27. Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля в январе-июле 2021 г.: рост неэнергетического экспорта. Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 9. С. 21-26 (0.17 а.л.);
28. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Платежный баланс во втором квартале 2021 г. Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 8. С. 4-8 (0.15 а.л.);
29. Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля в 2020 г.: преодоление падения. Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 3. С. 12-17 (0.17 а.л.);
30. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Платежный баланс: итоги 2020 г. Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 2. С. 4-8 (0.15 а.л.);
31. Зайцев Ю.К., Кнобель А.Ю. Российская экономическая помощь развитию в 2019 г. Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 12. С. 16-21 (0.25 а.л.);
32. Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля России в 2020 г.: предварительные итоги. Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 12. С. 10-15 (0.18 а.л.);
33. Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля России в первой половине 2020 г.: сокращение товарооборота в период пандемии. Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 9. С. 26-31 (0.15 а.л.);
34. Кнобель А.Ю., Баева М.А. Ограничительные торговые меры во время пандемии коронавируса и их соответствие нормам ВТО. Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 9. С. 32-38 (0.30 а.л.);
35. Кнобель А.Ю., Пыжиков Н.С., Кутовая А.Н. Влияние пандемии коронавируса на глобальные интеграционные процессы. Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 8. С. 25-31 (0.19 а.л.);
36. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Платежный баланс в первом квартале 2020 г. Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 5. С. 29-33 (0.17 а.л.);
37. Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля России в 2019 г.: стабилизация несырьевого неэнергетического экспорта. Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 4. С. 7-15 (0.20 а.л.);
38. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Платежный баланс в 2019 г. Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 3. С. 9-12 (0.13 а.л.);
39. Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля России в 2019 г.: предварительные итоги. Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 2. С. 19-24 (0.15 а.л.);
40. Зайцев Ю., Кнобель А. Приоритеты российской помощи развитию в 2018 г. Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 12. С. 23-30 (0.23 а.л.);
41. Кнобель А.Ю., Пыжиков Н.С. Торговые войны: первые эффекты. Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 10. С. 24-27 (0.16 а.л.);
42. Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля в январе-апреле 2019 г.: восстановительный рост нетопливного экспорта. Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 7. С. 23-28 (0.11 а.л.);
43. Кнобель А.Ю., Зайцев Ю.К. Прямые иностранные инвестиции в 2018 г.: рекордный отток. Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 6. С. 18-21 (0.13 а.л.);

44. Кнобель А., Фиранчук А. Внешний оборот услуг в 2018 г.: рост экспорта. Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 5. С. 7-13 (0.15 а.л.);
45. Кнобель А., Фиранчук А., Лаврищева А. Внешняя торговля России в 2018 г.: рост несырьевого неэнергетического экспорта. Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 4. С. 11-19 (0.11 а.л.);
46. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Платежный баланс в 2018 г.: рекордное сальдо текущих операций. Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 2. С. 3-7 (0.13 а.л.);
47. Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля России в январе-октябре 2018 г.: предварительные итоги. Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 2. С. 8-17 (0.17 а.л.);
48. Зайцев Ю., Кнобель А. Россия как международный донор в 2017 г. Экономическое развитие России. 2018. Т. 25. № 12. С. 8-12 (0.12 а.л.);
49. Кнобель А., Лощенкова А. Оценка эффективности региональной системы поддержки экспорта. Экономическое развитие России. 2018. Т. 25. № 11. С. 80-85 (0.20 а.л.);
50. Кнобель А., Фиранчук А. Россия в мировом экспорте в 2017 г. Экономическое развитие России. 2018. Т. 25. № 9. С. 17-21 (0.12 а.л.);
51. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Платежный баланс РФ во втором квартале 2018 г. Экономическое развитие России. 2018. Т. 25. № 8. С. 3-6 (0.12 а.л.);
52. Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля России в январе-мае 2018 г. Экономическое развитие России. 2018. Т. 25. № 8. С. 10-16 (0.16 а.л.);
53. Кнобель А., Фиранчук А. Внешний оборот услуг в 2017 г. Экономическое развитие России. 2018. Т. 25. № 6. С. 15-20 (0.14 а.л.);
54. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Платежный баланс РФ в первом квартале 2018 г.: анализ и прогноз. Экономическое развитие России. 2018. Т. 25. № 5. С. 3-6 (0.13 а.л.);
55. Кнобель А., Фиранчук А. Российский экспорт в ЕС в 2017 г. Экономическое развитие России. 2018. Т. 25. № 5. С. 12-17 (0.14 а.л.);
56. Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля России в 2017 г. Экономическое развитие России. 2018. Т. 25. № 3. С. 6-13 (0.16 а.л.);
57. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Платежный баланс РФ в 2017 г. Экономическое развитие России. 2018. Т. 25. № 2. С. 8-11 (0.12 а.л.);
58. Зайцев Ю., Кнобель А. Прямые иностранные инвестиции в первом полугодии 2017 г. Экономическое развитие России. 2018. Т. 25. № 1. С. 7-11 (0.17 а.л.);
59. Каукин А., Кнобель А., Фиранчук А. Последствия реализации налогового маневра: добыча нефти и производство нефтепродуктов. Экономическое развитие России. 2017. Т. 23. № 12. С. 48-52 (0.09 а.л.);
60. Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля России в январе-августе 2017 г. Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. № 11. С. 12-18 (0.13 а.л.);
61. Зайцев Ю., Кнобель А. Экономическая помощь России другим странам в 2016 г. Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. № 10. С. 17-21 (0.14 а.л.);

62. Алиев Т., Зайцев Ю., Кнобель А. Волатильность обменного курса и торговля в странах ЕАЭС. Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. № 9. С. 18-28 (0.19 а.л.);
63. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Платежный баланс РФ во втором квартале 2017 г. Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. № 8. С. 8-11 (0.13 а.л.);
64. Кнобель А., Фиранчук А. Российский экспорт в первой трети 2017 г. Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. № 7. С. 11-18 (0.18 а.л.);
65. Кнобель А., Фиранчук А. Внешний оборот услуг в 2016 г. Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. № 6. С. 23-28 (0.14 а.л.);
66. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Платежный баланс в первом квартале 2017 г. Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. № 5. С. 10-13 (0.12 а.л.);
67. Кнобель А., Фиранчук А. Российский экспорт в ЕС в 2016 г. Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. № 5. С. 19-22 (0.11 а.л.);
68. Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля в 2016 г. Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. № 3. С. 8-17 (0.17 а.л.);
69. Божечкова А., Кнобель А., Трунин П. Платежный баланс за 2016 г. Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. № 2. С. 3-6 (0.10 а.л.);
70. Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля в январе-октябре 2016 г. Экономическое развитие России. 2017. Т. 24. № 1. С. 14-20 (0.11 а.л.);
71. Кнобель А., Фиранчук А. Особенности российского экспорта и импорта в январе-августе 2016 г. Экономическое развитие России. 2016. Т. 23. № 11. С. 15-21 (0.16 а.л.);
72. Кнобель А., Фиранчук А. Россия в мировом экспорте в 2015-2016 гг. Экономическое развитие России. 2016. Т. 23. № 9. С. 9-13 (0.11 а.л.);
73. Кнобель А., Фиранчук А. Факторы спада российского экспорта в январе-мае 2016 г. Экономическое развитие России. 2016. Т. 23. № 8. С. 15-21 (0.16 а.л.);
74. Кнобель А., Фиранчук А. «Брекзит» и торгово-экономические отношения России и Великобритании. Экономическое развитие России. 2016. Т. 23. № 7. С. 54-58 (0.10 а.л.);
75. Кнобель А., Фиранчук А. Российский экспорт в ЕС. Экономическое развитие России. 2016. Т. 23. № 7. С. 27-30 (0.09 а.л.);
76. Кнобель А. Внешняя торговля: падение экспорта обусловило снижение торгового сальдо. Экономическое развитие России. 2016. Т. 23. № 5. С. 16-18 (0.15 а.л.);
77. Кнобель А. Структура и цены на отдельные товары российского экспорта и импорта. Экономическое развитие России. 2016. Т. 23. № 1. С. 22-25 (0.19 а.л.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Афонцев С.А. (2012). **От таможенного союза к Единому экономическому пространству: возможности и риски.** ЭКО, №6, 94–112.
2. Барина В.А., Горонович М.В., Жемкова А.М., Каукин А.С., Миллер Е.М. (2025). **Отраслевые приоритеты развития: международный опыт и возможности для России.** Российский внешнеэкономический вестник, (5), 110–126.
3. Бартенев С.А., Буренин В.А., Орешкин В.А., Орлова Г.А., Скурова А.В., Тарановская Е.В. (2024). **Участие России в международной торговле продовольствием.** Российский внешнеэкономический вестник, (10), 59–69.
4. Божечкова А.В., Колесник С.И., Трунин П.В. (2025). **Глобальные экономические дисбалансы в современном мире.** Российский внешнеэкономический вестник, (3), 23–42.
5. Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Шурубович А.В. (2017). **К вопросу о модернизации экономик стран СНГ.** Вестник института экономики Российской академии наук, №1, 22–40.
6. Глазьев С.Ю., Ткачук С.П. (2023). **О параметрах экономического развития в ЕАЭС до 2035 года.** Международная торговля и торговая политика, 9(1), 90–112.
7. Дробышевский С., Назаров П. (2012). **Оценка бюджетного и налогового мультипликатора в Российской Федерации.** М.: РАНХиГС.
8. Дюмулен И.И. (2016). **Международная торговля в послекризисные годы (2010–2015 гг.) — новые тенденции и некоторые проблемы.** Российский внешнеэкономический вестник, (7), 3–13.
9. Иванова Н., Каменских М. (2011). **Эффективность государственных расходов в России.** Экономическая политика, № 1, 176–192.
10. Идрисов Г., Синельников-Мурылев С. (2014). **Формирование предпосылок долгосрочного роста: как их понимать?** Вопросы экономики, № 3, 4–20.
11. Исаченко Т.М., Медведкова И.А. (2025). **Подходы к определению «чувствительных» товаров и ведение переговоров о свободной торговле.** Российский внешнеэкономический вестник, (6), 47–62.
12. Кадочников П.А. (2015). **Перспективные вопросы расширения участия России в глобальных цепочках добавленной стоимости.** Российский внешнеэкономический вестник, № 2, 8–13.

13. Кнобель А.Ю. (2015). **Евразийский экономический союз: перспективы развития и возможные препятствия.** Вопросы экономики, № 3, 87–108.
14. Крючков Р.В., Исаченко Т.М. (2010). **Количественная оценка вероятных последствий создания таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана.** Вестник Университета (Государственный университет управления), № 1, 229–236.
15. Оболенский В.П. (2024). **Протекционистские барьеры на рынках стран дальнего зарубежья.** Российский внешнеэкономический вестник, (4), 7–17.
16. Орлова Г.А., Зеленюк А.Н., Савинов Ю.А., Тарановская Е.В. (2024). **Государственная поддержка экспортеров.** Российский внешнеэкономический вестник, (3), 33–45.
17. Пахомов А.А. (2014). **Влияние торгово-политических санкций на внешнеэкономический сектор России.** Экономическое развитие России, № 11, 29–34.
18. Портанский А.П. (2021). **Импортозамещение: проблемы понимания политики и ее целей.** Международная экономика, № 8, 578–588.
19. Симачев Ю.В., Данильцев А.В., Федюнина А.А., Глазатова М.К., Кузык М.Г., Зудин Н.Н. (2019). **Россия в меняющихся условиях мировой торговли: структурный взгляд на новое позиционирование.** Вопросы экономики, № 8, 5–29.
20. Спартак А.Н. (2023). **Переформатирование международного экономического сотрудничества России в условиях санкций и новых вызовов.** Российский внешнеэкономический вестник, (4), 9–35.
21. Хусаинов Б.Д., Нусупов А.И., Широков А.А. (2018). **Эффективность интеграционных процессов: инновационный метод оценки.** Проблемы прогнозирования, №3, 132–141.
22. Alesina A., Ardagna S., Perotti R., Schiantarelli F. (1999). **Fiscal policy, profits and investment.** *NBER Working Paper*, No. 7207.
23. Amiti M., Konings J. (2007). **Trade liberalization, intermediate inputs, and productivity: Evidence from Indonesia.** *American Economic Review*, 97(5), 1611–1638.
24. Arvis J.-F., Duval Y., Shepherd B., Utoktham C., Raj A. (2016). **Trade Costs in the Developing World: 1996–2010.** *World Trade Review*, 15(3), 451–474.
25. Aschauer D. A. (1989). **Is public expenditure productive?** *Journal of Monetary Economics*-, 23(2), 177–200.

26. Baldwin R., Harrigan J. (2011). **Zeros, Quality and Space: Trade Theory and Trade Evidence.** *American Economic Journal: Microeconomics*, 3(2), 60–88.
27. Barro R. J. (1991). **Economic growth in a cross section of countries.** *Quarterly Journal of Economics*, 106(2), 407–443.
28. Barro R. (1996). **Determinants of economic growth: A cross-country empirical study.** *NBER Working Paper*, No. 5698.
29. Barro R. J., Lee J. W. (1993). **International comparisons of educational attainment.** *Journal of Monetary Economics*, 32(3), 363–394.
30. Barro R., Sala-i-Martin X. (1995). **Economic growth.** N. Y.: McGraw Hill.
31. Bastos P., Silva J. (2010). **The Quality of a Firm's Exports: Where You Export to Matters.** *Journal of International Economics*, 82(2), 99–111.
32. Bastos P., Silva J., Verhoogen E. (2018). **Export Destinations and Input Prices.** *American Economic Review*, 108(2), 353–392.
33. Bergejk P.A.G. van (1995). **The Impact of Economic Sanctions in the 1990s.** *The World Economy*, 18(3), 443–455.
34. Bernard A., Jensen J., Redding S., Schott P. (2007). **Firms in international trade.** *Journal of Economic Perspectives*, 21(3), 105–130.
35. Caliendo L., Parro F. (2015). **Estimates of the Trade and Welfare Effects of NAFTA.** *Review of Economic Studies*, 82(1), 1–44.
36. Caliendo L., Feenstra R. C., Romalis J., Taylor A. M. (2017). **Tariff Reductions, Entry and Welfare: Theory and Evidence for the Last Two Decades.** *NBER Working Paper*, No. 2178.
37. Carrere C. (2006). **Revisiting the effects of regional trade agreements on trade flows with proper specification on the gravity model.** *European Economic Review*, 50(2), 223–247.
38. Chang W., Winters L. (2002). **How regional blocs affect excluded countries: The price effects of MERCOSUR.** *American Economic Review*, 92(4), 889–904.
39. Clements K. W., Gao G. (2015). **The Rotterdam Demand Model Half a Century On.** *Economic Modelling*, 49, 91–103.
40. Devarajan S., Swaroop V., Zou H. (1997). **The composition of public expenditure and economic growth.** *Journal of Monetary Economics*, 37(2–3), 313–344.
41. Edwards S. (1998). **Openness, productivity and growth: What do we really know?** *Economic Journal*, 108(447), 383–398.

42. Egger P. (2004). **Estimating regional trading block effects with panel data.** *Review of World Economics*, 140(1), 151–166.
43. Feldstein M. (1996). **The missing piece in policy analysis: Social security reform.** *American Economic Review*, 86(2), 1–14.
44. Frankel J., Romer D. (1999). **Does trade cause growth?** *American Economic Review*, 89(3), 379–399.
45. Harris R. (2006). **The economic impact of the Canada — U.S. FTA and NAFTA agreements for Canada: A review of the evidence.** In: J. Curtis, A. Sydor (eds.). — NAFTA@10. Ottawa: Minister of Public Works and Government Services Canada, 9–42.
46. Hoffmann F. (1967). **The Functions of Economic Sanctions: A Comparative Analysis.** *Journal of Peace Research*, 4(2), 140–160.
47. Hufbauer G., Schott J., Elliott K. (1990). **Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy.** Washington: Institute for International Economics.
48. Hummels D. L., Schaur G. (2013). **Time as a Trade Barrier.** *American Economic Review*, 103, 1–27.
49. Iradian G. (2007). **Rapid growth in transition economies: Growth-accounting approach.** *IMF Working Paper*, No. WP/07/164.
50. Jafari, Y., & Tarr, D. (2015). **Estimates of ad valorem equivalents of barriers against foreign suppliers of services in eleven services sectors and 103 countries.** *World Economy*, 40(3), 544–573.
51. Kee H. L., Nicita A., Olarreaga M. (2009). **Estimating Trade Restrictiveness Indices.** *Economic Journal*, 119: 172–199.
52. Kneller R., Yu Z. (2016). **Quality Selection, Sectoral Heterogeneity and Chinese Exports.** *Review of International Economics*, 24(4), 857–874.
53. Kuzmina O., Volchkova N., Zueva T (2014). **Foreign direct investment and governance quality in Russia.** *Journal of Comparative Economics*, 42(4), 874–891.
54. Libman, A., & Vinokurov, E. (2012). **Regional Integration and Economic Convergence in the Post-Soviet Space: Experience of the Decade of Growth.** *Journal of Common Market Studies*, 50(1), 112–128.
55. Limão N. (2016). **Preferential Trade Agreements.** In *Handbook of Commercial Policy*, edited by K. Bagwell and R. W. Staiger, 269–367. Amsterdam: North-Holland.
56. Lucas Jr. R. E. (1988). **On the mechanics of economic development.** *Journal of Monetary Economics*, 22(1), 3–42.

57. Magee C. S. (2008). **New measures of trade creation and trade diversion.** *Journal of International Economics*, 75(2), 349–362.
58. Manova K., Zhang Z. (2012). **Export Prices Across Firms and Destinations.** *The Quarterly Journal of Economics*, 127(1), 379–436.
59. Marquez J. (1994). **The Econometrics of Elasticities or the Elasticity of Econometrics: An Empirical Analysis of the Behavior of U.S. Imports.** *The Review of Economics and Statistics*, 76(3), 471–481.
60. Mattoo A., Mulabdic A., Ruta M. (2017). **Trade Creation and Trade Diversion in Deep Agreements.** *Policy Research Working Paper Series* 8206. World Bank: Washington, D.C.
61. Melitz M.J., Ottaviano G.I. (2008). **Market Size, Trade, and Productivity.** *The Review of Economic Studies*, 75(1), 295–316.
62. Moreno-Dodson B. (ed.) (2013). **Is fiscal policy the answer? A developing country perspective.** Washington, DC: World Bank.
63. Muendler M. (2004). **Trade, technology, and productivity: A study of Brazilian manufacturers, 1986–1998.** *CESifo Working Paper Series*, No. 1148.
64. Pape R. (1997). **Why Economic Sanctions Do not Work.** *International Security*, 22(2), 90–136.
65. Romalis J. (2007). **NAFTA's and CUSFTA's impact on international trade.** *The Review of Economics and Statistics*, 89(3), 416–435.
66. Sims C. (1980). **Macroeconomics and Reality.** *Econometrica*, 48(1), 1–48.
67. Tanzi V., Zee H. (1997). **Fiscal policy and long-run growth.** *International Monetary Fund Staff Papers*, 44(2), 179–209.
68. Trefler D. (2004). **The long and short of the Canada—U.S. free trade agreement.** *American Economic Review*, 94(4), 870–895.
69. World Bank (2006). **Fiscal policy for growth and development: An interim report.** *Background Paper for the Development Committee Meetings.* Washington, DC.
70. World Bank (2007). **Fiscal policy for growth and development: Further analysis and lessons from country case studies.** *Background Paper for the Development — Committee Meetings.* Washington, DC.